

Л.И. Бройтман,
Е.И. Краснова

Малая Морская улица

Ларисса Бройтман
Малая Морская улица

«Алетейя»

Бройтман Л. И.

Малая Морская улица / Л. И. Бройтман — «Алетейя»,

ISBN 978-5-907189-51-5

Данная книга о Малой Морской улице является продолжением исследования Л. И. Бройтман и Е. И. Красновой, авторов издания «Большая Морская улица», в 1998 году удостоенного диплома «Анцифировской премии» в номинации научно-исследовательских работ. Малая Морская улица начала застраиваться в начале XVIII века. Здесь располагались Морские слободы, в которых должны были жить люди, имеющие отношение к Адмиралтейству и постройке кораблей. Исторические материалы собраны из архивов, газет и журналов того времени, воспоминаний, дневников. Текст снабжен иллюстративным материалом.

ISBN 978-5-907189-51-5

© Бройтман Л. И.

© Алетейя

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	9
Малая Морская улица, 2; Невский проспект, 11; Кирпичный переулок, 2	9
Малая Морская, 4	18
Малая Морская, 6	27
Малая Морская, 8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Л. И. Бройтман, Е. И. Краснова

Малая Морская улица

Предисловие

Эта книга о Малой Морской улице является продолжением книги тех же авторов Л.И. Бройтман и Е.И. Краснова «Большая Морская улица», опубликованной в 1996 и в 1997 гг. Это была первая большая книга об одной улице. В 1998 г. мы получили за нее Анциферовский диплом в номинации «Научно-исследовательская работа». В 2005 г. книга была переиздана в два раза большем объеме.

Заканчивая книгу «Большая Морская», мы начали собирать материалы по Малой Морской, но в 1990-е гг. Лариса Ильинична уехала в Германию, а я переключилась на другие темы по истории Петербурга и генеалогии. Все эти годы нас постоянно спрашивали, когда мы напишем о Малой Морской. Мы начали работу, но в 2014 г. Ларисы Ильиничны, увы, не стало. Дальше работать мне пришлось одной. Заканчивать книгу, когда вам девяносто, – непростая задача, но, надеюсь, я с ней справилась.

Возможно, прочитав эту книгу, читатели вернуться к книге «Большая Морская улица», поэтому хотя бы здесь сообщим, что в книге о Большой Морской по вине издательства в именном указателе вместо страниц указаны номера домов.

Улицы, о которых идет речь в этих книгах, начали застраиваться в начале XVIII в. Здесь располагались Морские слободы, в которых должны были жить люди, имеющие отношение к Адмиралтейству, к постройке кораблей. Дома в слободах были в основном деревянные или мазанковые. В 1736 г. во время громадного пожара они сгорели почти все. После пожара резко изменился состав населения улиц, так как теперь здесь разрешалось строить только каменные дома, на которые денег у большинства прежних владельцев не было, поэтому сведения о владельцах домов до пожара в основном есть только по тем домам, где эти владельцы сохранились. Правда, есть перепись домов 1717 г., но в ней почти невозможно разобраться. После пожара разобраться легче. Была создана Комиссия о Санкт-Петербургском строении, и сохранился план, составленный в 1738 г. архитектором Еропкиным, на котором указаны участки, на которые делится Большая Морская и левая часть Малой Морской улицы (правая часть еще не существовала, дома левой стороны до середины XVIII в. выходили фасадами на Адмиралтейский луг), и кому эти участки будут даны.

Малая Морская улица за время своего существования не раз меняла свое название. Можно составить примерную таблицу этих названий по годам. Но часто разные люди в один и тот же год указывали разные названия улицы.

1738–1773 г. – Большая Луговая,
1761 г. – Луговая Адмиралтейская,
1768–1800 г. – Новая Исаакиевская,
1731–1902 г. – Малая Морская,
1902–1993 г. – ул. Гоголя,
1993 г. – Малая Морская.

Колоссальный массив материалов – купчих и закладных на петербургские дома в интервале 1716–1780 гг. хранится в Москве в Архиве древних актов (РГАДА. Ф. 285), но пользоваться им трудно, так как он не систематизирован и не снабжен указателями. На каждый год имеется толстенная рукописная книга, в которую купчие и закладные на дома записаны просто в порядке регистрации, причем вместе – и петербургские, и московские. В Петербурге имеется вторичный источник. В первой половине XIX в. священник С. С. Тапильский переписывал в

большие тетради в произвольном порядке все встречаемые им купчие и закладные. Систематизировать их он не успел, хотя пытался определить, на какой улице находится дом (в 1738 г. впервые появились названия улиц). Тетради эти попали в руки другого священника – Яковлева, а затем под названием Фонд Яковлева почему-то разделились между двумя Петербургскими архивами: РГИА. Ф. 834 и ЦГИА СПб. Ф. 2263.

Много материалов можно найти в газете «Санкт-Петербургские ведомости», которая издавалась с 1728 г. В ней печатались не только объявления о купле-продаже и залоге домов, но и о наследовании и другие объявления, содержащие адреса разных людей (например, потерявшую собаку или потерянное кольцо просят доставить за вознаграждение такому-то туда-то). Постепенно издаются указатели содержания по годам.

Номеров у домов до 1780 г. не было, разобраться помогает то, что обычно в купчих и закладных на дом указывали соседей и предыдущих владельцев. Для того чтобы разобраться в этих материалах, надо знать владельца хотя бы одного дома на нужной улице. Номера появились только в 1780 г., но не по улицам, а по так называемым кварталам внутри частей, на которые был разделен город. Наши улицы находились в I Адмиралтейской части, которая располагалась между Невой и Мойкой. Первый квартал составляли участки от Летнего сада до Невского, второй – от Невского до Исаакиевской площади, третий – за Исаакиевской площадью. Несколько лет назад А. А. Иванов, много работавший с «Санкт-Петербургскими ведомостями», опубликовал книгу «История Петербурга в старых объявлениях», в которой он поместил содержание (конспекты) некоторых объявлений в интервале 1730–1820 гг., в которых он разобрался и указал современные адреса. Объявления размещены в хронологическом порядке, но есть именной указатель.

Естественно, большое значение имеет иконографический материал.

Сведения о владельцах и о том, как выглядели их дома в 1740-х гг., дают материалы коллекции Берхгольца (хранится в Стокгольме, фотографии есть в Эрмитаже и Музее истории Санкт-Петербурга). Изображены только каменные и красивые дома на улице, но, к сожалению, название улиц не указано. Сверху над каждым домом мелким готическим шрифтом по-немецки написана фамилия владельца, часто с ошибкой (например явно немецкой фамилией Brilken назван русский Брылкин).

Как выглядели дома в конце 1760-х – начале 1770-х гг. можно увидеть на рукописном аксонометрическом плане Санкт-Петербурга Сент-Илера, на котором улицы и дома центра города изображены с высоты птичьего полета. Состоит он из отдельных фрагментов, не всегда стыкующихся друг с другом. Хранится он в Музее военно-морского флота. На нем не обозначены ни улицы, ни владельцы, но, сравнивая рисунки с современным планом, в итоге удалось определить, какие улицы изображены на каком фрагменте. В итоге недавно этот план был издан в форме большого альбома.

Рисунки XVIII в. не всегда дают правильное представление об обывательских домах. Художник иногда рисовал достроенным то, что существует в проекте, не обращая внимания на детали окружающих домов.

Некоторые дома 1740-х гг. сохранили свой вид до 1760-х, и, сравнивая их вид и число домов между пересекающимися улицами, можно узнать названия улиц на рисунках из коллекции Ф. В. Берхгольца. Этим-то мы и занимались, начав работать над книгой о Большой Морской с начала 1980-х гг., естественно прихватывая и некоторые материалы по Малой Морской. Разумеется, при этом надо всегда проверять фамилии соседей по купчим.

На конец XVIII в. есть хранящаяся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (шифр 0-IV-56) рукопись «Роспись домов Санкт-Петербурга». Даты на ней нет, но, судя по материалам, она относится к самым последним годам этого века. Для четырех Адмиралтейских и Литейной части приводятся планы с разделением на участки домов с их номерами, а в приложении указаны владельцы.

Там же в отделе рукописей РНБ хранится аксонометрический план района Морских улиц конца XVIII в.

Работа по XIX в. существенно легче. Начиная с 1804 г. время от времени издавались табеля с указанием адресов и владельцев домов, причем часто в новой таблице указывался не только новый номер дома, но и предыдущий (номера часто менялись в основном в связи с разделением или объединением участков). Очень важно, что в таблице 1804 г. указаны номера 1798 г., которые можно найти на плане в «Росписи...», к которой приложен план. Иногда указывалось число комнат и оценка дома. После 1804 г. есть табеля 1806, 1809 и несколько на 1822 г. Их названия и местонахождение можно посмотреть в статье Е. И. Красновой «Источники для изучения истории домовладения в Санкт-Петербурге», опубликованной в сборнике «Старый Петербург. Поиски, находки, открытия». СПб., 2009. Сост. и ред. Е. И. Краснова).

В 1834 г. в Петербурге впервые была введена нумерация домов по улицам. В связи с этим в 1836 г. была издана книга «Нумерация домов Санкт-Петербурга, дающая перевод поквартальных номеров 1822 г. в номера по улицам. Указаны там и владельцы.

Очень полезен табель домов ЦГИА СПб. (Ф. 513. Оп. 168. Д. 230) с указанием номеров домов на конец XVIII в., 1804, 1821 и 1834 г. с указанием владельцев на последний год.

В 1837 г. была издана книга К. Нистрема, где указаны адреса живущих (владельцы домов не указаны). В 1844 г. тот же автор выпустил «Адрес-календарь петербургских жителей».

Одна из самых полезных и легких в обращении книг – изданный в 1849 г. «Атлас 13 частей Петербурга», в котором приведены планы улиц с указанием владельцев домов прямо на плане. В 1854 г. вышла книга В. М. Матвеева «Санкт-Петербургский путеводитель», которую часто называют «60 000 адресов Санкт-Петербурга».

В 1858 г. в центральных частях города по непонятной причине поменяли местами четную и нечетную стороны улиц. Позже это сделали и в остальных частях. Правда, сейчас есть несколько новых улиц по старой нумерации (видимо, просто что-то напутали).

В ЦГИА СПб. (Ф. 513, Оп. 168. Д. 396) есть очень полезные «Списки домам с обозначением на оных номеров 1822, 1846 и 1858 гг.» с указанием владельцев на последний год.

Затем вышла новая книга Н. Цылова «Описание улиц Петербурга и фамилии домовладельцев на 1863 г.», в 1860-х гг. – «Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга Гоппе и Корнфельда на 1867–1868 гг.» и «Список домам Санкт-Петербурга» Нейгардта, где есть алфавитный список домовладельцев на 1869 г. В дальнейшем Гоппе и Корнфельд еще не раз печатали табеля улиц, табель на 1874 г. есть и в архиве. Подробнее список можно посмотреть в упомянутой статье Красновой.

И, наконец, с 1892 г. ежегодно стали выходить справочники, которые принято называть «Весь Петербург».

Пользуясь всеми справочниками надо не забывать, что номера по улице тоже могли сдвигаться, а название самих улиц меняться. Забегая вперед, хотим предупредить, что название Малая Морская, кроме современной улицы, в некоторые периоды употреблялось и для современной Почтамтской и даже для части Большой Морской за Исаакиевской площадью. А Новоисаакиевской (Новой Исаакиевской) одно время называли и Малую Морскую и ее продолжение – Почтамтскую, считая их за одну улицу, а потом стали называть современную ул. Якубовича.

Работая со справочниками, надо не забывать купчие и закладные из архивов и газет, они дают дату изменения владельца, и кроме того, надо предусмотреть тот вариант, когда владелец дома мог измениться не раз между датами из справочников.

Все это дает адреса и фамилии владельцев и живущих, но надо еще искать материалы о них. Для этого существуют энциклопедии, в которые попадают далеко не все. Приходится прочесть множество книг по истории, а также много материала есть в воспоминаниях или дневниках.

Хочу выразить большую благодарность от лица, к сожалению, покойной Л.И. Бройтман и от себя, участвовавшей в создании этой книги Анне Сергеевне Сухоруковой, которая после смерти Лариссы Ильиничны помогала мне состыковывать и редактировать материалы, написанные ею в Германии и мной в Санкт-Петербурге. Кроме того, Анна Сергеевна предоставила значимую информацию о сотрудниках Театра комедии, которая вошла в главу о доме № 4. Огромное спасибо постоянному моему помощнику Алексею Николаевичу Лукоянову, как всегда дарившему интересные материалы из архивов и старых газет.

Е. И. Краснова, дипломант Анциферовской премии за книгу «Большая Морская», написанную в соавторстве с Л. И. Бройтман.

Лауреат Анциферовской премии за общий вклад в петербургское краеведение.

Часть первая Четная сторона

Малая Морская улица, 2; Невский проспект, 11; Кирпичный переулок, 2

В 1710 г. архимандрит Феодосий обратился к государю с письмом, в котором писал: «Повелено мне приезжать в Санкт-Петербург для управления духовных дел, а под дворовое строение, где мне и при мне служащим жить, место не отведено». Эта просьба Феодосия вполне обоснована – петербургское духовенство в это время подчинялось Новгородской епархии, и архимандриту приходилось часто приезжать в Петербург из Новгорода.

В том же 1710 г. начали прорубать просеку от Адмиралтейства к Новгородской дороге – будущий Невский проспект – и Феодосию отвели угловой участок размером 12 на 20 сажен на месте пересечения Невского и Луговой улицы, сейчас Малая Морская, дом 2/11.

Почти сразу под руководством Феодосия начали строить Александро-Невскую лавру, и застройка участка на Луговой улице затормозилась. Только в 1716 г. Феодосий распорядился «у архитектора Дрезина (т. е. Трезини) взять рисунок монастырскому подворью, как строить мазанки от префектова двора по погреб». К осени 22 верхних и нижних «жилья» были закончены и покрыты черепицей. Подворье было огорожено тыном, имело ворота и двор. При монастырском подворье был построен шалаш для сенной продажи. В документе есть сведения о том, что подворье имело форму пятиугольника.

По приказу графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина на подворье жил иеродиакон Варнава, который переводил книги с латинского на славянский, а в 1725 г. «стоял» прибывший в Петербург грузинский «принц», или «царь», Вахтанг Леонович. Но карьера Феодосия к этому времени закончилась. Достигнув чина вице-президента Святейшего синода, он начал заниматься «неподобающими делами», и по указу Екатерины I был сослан в далекий монастырь и вскоре умер.

В 1731 г. ввиду возвращения Святейшего синода из Москвы было приказано освободить подворье от постороннего постоя, в том числе живших здесь к этому времени солдат Преображенского полка.

Во время большого пожара 1736 г. Адмиралтейское подворье «сгорело все без остатку». От монастыря требовалось построить новое подворье длиной 40 сажен. Не имея средств на эту постройку, монастырь просил дать разрешение строиться на другом месте, «против прежнего с уменьшением», т. е. дать место в той же Луговой улице и то же «наугольное». Этот узкий и длинный участок затем был присоединен к соседнему слева от него, и сейчас они составляют вместе дом 10 по Малой Морской и 10 же по Гороховой. До пожара просимый участок принадлежал Надежде Ивановне Вельяминовой – вдове д. ст. сов., которая не имела средств на строительство дома после пожара и отказывалась от этого места, которое и было отведено для постройки Невского подворья, а бывшее монастырское место Комиссия о Санкт-Петербургском строении, созданная после пожара, решила отвести под постройку казенного торгового дома «без погребов о двух апартаментах... а внутри оного сделать лавки для продажи всяких сибирских и ниренбергских товаров [галантерейных – *Авт.*] и конфискованных пожитков».

На плане Еропкина указаны места казенного дома между Малой и Большой Морской и Гостиного двора между Мойкой и Большой Морской после пожара. Все это не было построено. Комиссия предложила «зделать один переулок... прямой линией шириной восемь сажен через

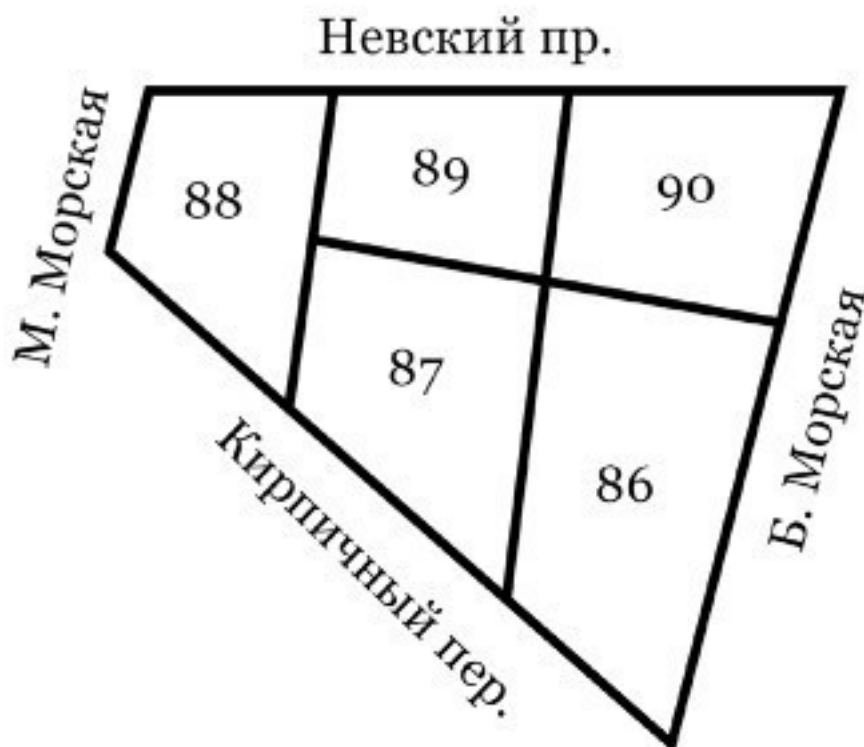
Морскую улицу» к реке Мойке, на берегу которой было сделано место для «складки кирпича», привозимого по Мойке.

Долго место между Мойкой, Невским проспектом и «Кирпишным» переулком оставалось незастроенным. Только в 1754–1755 гг. архитектор Б. Ф. Растрелли построил здесь для Елизаветы Петровны временный, деревянный, Зимний дворец на время перестройки основного дворца. Дворец этот занял два квартала по Невскому – от Мойки до Малой Морской – перегородив Большую Морскую. О нем написано в книге о Большой Морской. Покои наследника престола Петра Федоровича и его жены Екатерины располагались вдоль Луговой (Малой Морской). На углу Невского и Луговой был главный вход во дворец, а окна личных покоев Екатерины, как она сама пишет в своих записках, выходили на Кирпичный переулок.

25 декабря 1761 г. императрица Елизавета Петровна умерла, а в апреле 1762-го новый император Петр III повелел переехать в незаконченный большой дворец. В 1767 г. большая часть деревянного дворца была разобрана. На фиксационном обмерном чертеже на месте Тронного зала (примерно в середине по Невскому) написано: «Из одного выбирать для делания г. Фальконету для монументу большой мастерской». Кроме мастерской Э. М. Фальконе получил еще для жилья каменную кухню. Большая Морская снова получила выход на Невский. А в 1770 г. всех желающих приглашали в мастерскую посмотреть большую гипсовую модель памятника Петру Великому. В 1780-х мастерская была разобрана.

В 1786 г. по указу Екатерины II этот участок предназначался «для построения, дома нужного Кабинету нашему, в котором бы с безопасностью вмещены все его отделения с вещами и деньгами». Кабинет ведал личными расходами и имуществом членов императорской семьи, так что этому ведомству уделялось большое внимание. Но после смерти Екатерины II император Павел распорядился дом «Кабинета нашего по Большой и Малой Морским и Кирпичной улице» передать в ведение князя Юсупова для строительства театра. По докладу Н. Б. Юсупова было отпущено 50 000 рублей, проект поручено было составить архитектору В. Бренне. Но театр не был построен, хотя яма для фундамента была вырыта.

В 1857–1858 гг. в газете «Северная пчела» была помещена статья «Прогулки по Петербургу», автором которой, возможно, был издатель Н. И. Греч. Он писал «По правую сторону Невского... красуются огромные дома Косиковского и Чаплина. Там, помню я, до 1801 г. было пустое место, обведенное забором... Среди его была такая глубокая лужа, что дети из соседних домов катались по ней в лодочке».

В 1800 г. император Павел большое незастроенное место между Малой и Большой Морской мерой по Невскому проспекту – 50, по Новой Исаакиевской (так стали называть Луговую улицу) – 13, по Кирпичному переулку – 50 и по Большой Морской – 49 сажен «всемилютейшее пожаловать соизволил шталмейстеру Муханову в вечное и потомственное владение». Но Сергей Ильич Муханов владеть этим участком вечно не пожелал и почти сразу, в 1802 г. продал его богатейшему херсонскому купцу I гильдии, крупному поставщику и интенданту армии купцу Абраму Израилевичу Перетцу. Перетц незадолго перед этим купил существующий и поныне громадный дом на Невском между Мойкой и Большой Морской, который был построен почти сразу после разборки деревянного Зимнего Дворца. Купленный большой участок Перетц разделил для продажи на пять маленьких участков. В начале 1800-х гг. они имели номера 86–90. В архиве удалось найти материалы по этому кварталу. Наш дом, который имеет № 2 по Малой Морской, такой же номер и по Кирпичному переулку и № 1 по Невскому проспекту, в списке 1804 г. имеет № 88, и владеет им Томас Сиверс, а в списке 1806 г. – Коссиковский. Притом на этот год к списку приложен план, на котором № 88 имеет интересующий нас дом, выходящий на Малую Морскую, а участок Сиверса имеет № 87 и находится на месте современного дом № 4 по Кирпичному переулку. В архиве же есть прошение дочери Сиверса разобраться наконец с номерами домов. Так что путаница была уже тогда. Дело в том, что недавно в Москве вышла книжечка о доме 1 по Невскому, которая называется «Дом Сиверса». Согласиться с этим мы не можем, так как дом на этом участке принадлежал после 1806 г. Коссиковскому еще много лет. Известно, что он купил у Перетца еще один дом недалеко, на Невском, между Большой Морской и Мойкой. У него оказались два дома на Невском недалеко друг от друга, что иногда путает исследователей.

Андрей Иванович Коссиковский, купец I гильдии, занимался поставками хлеба из южных губерний России казенному ведомству, снабжал продовольствием армию во время войны 1812 г. С XVIII в. российское правительство особенно заботилось о снабжении хлебом столицы империи, расположенной на краю государства, куда в связи с погодными условиями и состоянием дорог подвоз часто был затруднен. В Петербурге всегда были запасы хлеба, для хра-

нения которого строились специальные склады – «магазинны». На поставках хлеба Косиковский нажил огромное состояние, что позволило ему купить дома в центре столицы и целый остров, принадлежавший ранее И. П. Елагину. Но стремление к наживе не имеет границ, и Косиковский решил, естественно, без ведома начальства продать часть хранившихся в Петербурге запасов, за что на него в 1827 г. по решению Сената «за тайный вывоз из столицы хлеба» было наложено взыскание и был взят в казну один из его домов в Литейной части, оцененный в 150 000 рублей. Косиковский был дважды женат, имел сыновей – Александра, Валентина, Всеволода, Владимира – и дочь Елизавету. После смерти Косиковского дела вели совместно его вдова и старший сын Александр. Дом на углу Малой Морской и Невского проспекта находился во владении семейства Косиковских до середины XIX в.

Еще в 1809 г. мещанин Осип Осипов открыл здесь кухмистерскую. Ее сменила ресторация г-жи Вейгаузен, размещавшаяся до 1825 г. в угловой части по Невскому проспекту и Малой Морской. 8 января 1826 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявлялось, что в угловом доме по Невскому проспекту и Малой Морской улице отдавались в наем лавки, удобные для молочной и фруктовой торговли, а через две недели в этом угловом помещении купец Ф. А. Каупе уже продавал по сходным ценам разных сортов голландский, французский, испанский нюхательный табак и гаванские сигары.

Есть сведения и о работе в 1820-х гг. в этом доме «вольной» аптеки, которая в 1824 г. меняет владельцев, о чем сообщается в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «Физикат [столичная врачебная управа. – *Авт.*] объявляет, что вольная аптека, состоящая из 1-й Адмиралтейской части 2-го квартала в доме Косиковского (тогда № 75) на Невском проспекте на углу малой Морской куплена ныне аптекарем Вильгельмом Бекером и провизором Фридрихом Тиммом, которую физикат освидетельствовавши, нашел в надлежащей во всех частях исправности и порядке, медикаменты и материал доброго качества и в довольном количестве, потому и дозволено г.г. Беккеру и Тиму отпуск лекарств из оной аптеки от имени их производить в законном основании».

Не всем предпринимателям, однако, сопутствовал успех в их деятельности. В 1828 г. Эдуард Гордон, «содержатель англинской гостиницы на Невском проспекте, в доме Косиковского под № 75, на углу Малой Морской, изъявляя благодарность почтеннейшей публике в посещении его заведения», извещал, что из-за недостаточной выручки вынужден прекратить содержание гостиницы и предлагал в сдачу вместе или порознь бельэтаж и верхние этажи, которые расположены «весьма удобно, омеблированы по последнему вкусу». При этом он, Гордон, объявлял, что продолжает торговлю в находящемся в том же доме ренском погребе, что, видимо, было достаточно выгодно. В 1837 г. здесь, в магазине Жулии, можно было купить платья, шляпки, токи, чепчики и вообще все модные дамские уборы.

В 1843 г. в Петербурге начали печатать еженедельную медицинскую газету, так как большинство врачей в столице в это время были немцами. С 1845 г. газета издавалась в доме Косиковского. Один из трех врачей, занимавшихся газетой, был младший брат поэта Генриха Гейне – Максимилиан Гейне (1805(?)–1879). Их отец занимался торговлей и обанкротился. Семью поддерживал брат отца – богатый банкир Соломон Гейне, давший возможность получить образование трем племянникам, которые в 1827 г. перешли из иудаизма в лютеранство. В 1829 г. Максимилиан приехал в Россию с рекомендательным письмом от дяди придворному банкиру Штиглицу.

С 1832 г. практически до смерти в 1879 г. с небольшими перерывами Максимилиан Гейне жил в Петербурге, иногда работал вместе с известным врачом Ф. Арендтом. В 1849 г. он получил чин надворного советника и потомственное дворянство Российской империи. В газете он вел несколько рубрик, в том числе посвященную Петербургу. Еще раньше, с 1838 г., он был редактором литературного журнала на немецком языке. Редакция журнала находилась тоже на Малой Морской в современном доме № 12. Его статьи с описанием столичной жизни потом

были изданы отдельной книгой. Вышедшие в 1844 г. на немецком языке «Медико-топографические эскизы Петербурга» тоже были составлены по его газетным публикациям.

М. Гейне считался очень хорошим врачом, приобрел широкий круг знакомств среди деятелей культуры. Он был хорошо знаком с Н. И. Гречем, В. Ф. Булгариным, Ф. И. Тютчевым. В 1860 г. женился на молодой вдове Арендта, оставившего трех детей в возрасте до 10 лет, которых потом и воспитывал. В 1865 г. он вышел в отставку, но остался жить в Петербурге, на Миллионной улице. Умер в 1879 г. в Берлине, куда приехал, видимо, для лечения.

В 1845 г. в доме Косиковского красильщик и «пятновыводчик» Луи Сатиас открыл мастерскую, где чистил и красил ткани и готовую одежду, обещая восстанавливать их прежний цвет. А в 1850-х гг. здесь была шапочная мастерская купца Ф. Демидова. В этом же доме находилась гостиница Винтера, один из постояльцев которой объявлял в 1855 г. о продаже тройки молодых лошадей «шведок вороной масти». Помимо сапожного мастера Г. Эммермана, в доме Косиковского снимали помещения токарь и купец П. Эш и портной мастер Евгений Флоран.

С конца 1850-х гг. значится уже новый владелец – Владимир Иванович Струбинский (1835–1883). Во второй половине XIX в. среди петербургских домовладельцев довольно часто встречалась фамилия Струбинских. В доме Александра Петровича Струбинского на Греческом проспекте (№ 6) в 1875–1878 гг. жил Федор Михайлович Достоевский. Александр Петрович и Владимир Иванович были двоюродными братьями, у них был общий дедушка Семен Владимирович, родившийся в 1750 г. и в 1829 г. похороненный рядом с женой Натальей Сидоровной вблизи Ораниенбаума на Свято-Троицком кладбище. Основная деятельность Владимира Ивановича Струбинского была связана с Царским Селом. В 1861 г. коллежский секретарь Струбинский занимал должность попечителя запасных магазинов Царского Села. В дальнейшем он становится мировым судьей, а затем – почетным членом Съезда мировых судей в Царскосельском уезде в звании действительного статского советника. В 1854 г. Струбинский получил ссуду под залог дома, а в 1869 г. решил перезаложить дом. При этом архитектор Рудольф Богданович Бернгард свидетельствовал: «...дом прочной постройки на гранитном цоколе, фасады оштукатурены и завершаются карнизом с модульонами. Окна третьего этажа обтянуты наличниками и украшены сандриками на лепных кронштейнах. Имеются шесть чугунных балконов с железными решетками, 5 металлических зонтиков».

В ведомости о доходах перечисляются многочисленные торговые заведения и мастерские, расположенные в доме. Взамен токаря П. Эша теперь токарный мастер из города Ревеля (Таллина) Александр Трейберг снимает помещение для мастерской и магазина, а также квартиру для себя – всего восемь комнат. Рядом находились галантерейный магазин Трентеполя и магазин бриллиантовых изделий Гау. Помимо этого, перечислены магазины перчаток, сапожный, готового платья, парикмахерская, красильня, мясная и овощная лавки, распивочная. Снимали в доме помещения также книжный фотограф, зубной врач, были еще ресторан, банкирская контора, меблированные комнаты.

В апреле 1870 г. Английский магазин съестных припасов в доме 2 по Малой Морской улице принимал заказы на изготовление «плум-пудингов» и кексов к предстоящему празднику Пасхи.

В этом доме дважды останавливался Иван Сергеевич Тургенев. В 1880 г. он прожил здесь с февраля до середины апреля. По тогдашней нумерации он жил в квартире № 20, где были меблированные комнаты. Отсюда он часто направлялся на набережную Фонтанки, где вблизи Симеоновской церкви жил его друг поэт Я. П. Полонский. Встречался Тургенев с сотрудниками редакции журнала «Русское богатство», рассказывал о своих творческих планах. И в свой последний приезд в апреле 1881 г. он остановился в тех же меблированных комнатах. Заболевшего Тургенева тогда навестили Г. И. Успенский и С. Н. Кривенко. Через несколько дней Кривенко снова побывал у Тургенева и вспоминал об этом впоследствии: «Чувствовал он себя лучше. Говорил много и о разных предметах, но больше всего — о литературе и о молодых

писателях. Говорил о Г. И. Успенском, которого очень любил и ценил, досадуя на него только за одно, почему он не попытается большого романа или повести написать, а из молодых писателей больше всех ему нравился Гаршин... Тургенев следил решительно за всем, что появлялось новенького в литературе, не исключая даже иллюстрированных изданий и таких газет и журналов, которых в Петербурге обыкновенно не читают, а потому знал и таких писателей, которые только что выступили в литературе или написали одну какую-нибудь вещь, мало кому известную. Он помнил даже особенно выдающиеся и яркие места и страницы, которые произвели на него впечатление...».

Сдача помещений приносила неплохой доход, тем не менее Струбинский решил перезаложить дом и получить новую ссуду. Перезалог не состоялся, но к 1870 г. Струбинский выплатил залог 1854 г. и произвел улучшения в доме – в квартиры была проведена вода, отремонтированы некоторые помещения. В 1879 г. Струбинский застраховал дом в товариществе «Саламандра» и взял в долг на год 50 000 рублей у полковника Генерального штаба Зейфорта и еще 90 000 рублей – у дочери титулярного советника Варвары Ивановны Фонвизиной.

В 1883 г. Владимир Иванович Струбинский умер и был похоронен рядом с родными на Свято-Троицком кладбище вблизи Ораниенбаума. Все имущество унаследовали его вдова Надежда Васильевна и несовершеннолетние дети – Владимир и Елена. У Владимира Ивановича были еще дома в Литейной части, и по семейному разделу между его вдовой и детьми дом на Малой Морской был закреплен за сыном, которому пришлось разбираться с долгами.

В 1884 г. в лицевом доме произошел небольшой пожар, на исправления после пожара Владимиру Владимировичу было выдано страховым обществом 150 рублей. В том же году со стороны Кирпичного переуллка был построен четырехэтажный флигель с парадным входом. В некоторых квартирах и магазинах производилась перестройка. В 1887 г. наследник решил продать дом и купил его давний съемщик – ревельский гражданин санкт-петербургский I гильдии купец Александр Иванович Трейберг, владевший им до 1917 г. В 1896 г. в доме работал парикмахер, зубной врач, был магазин обуви «Петерсон», магазин зонтиков «Александрь», продавались канцелярские принадлежности, токарные и резные изделия, изделия багетные и рамочные, была контора Международного общества спальных вагонов. Со стороны Кирпичного переуллка были пивная лавка, мясная торговля и еще один зубной врач.

В 1898–1900 гг. доходный дом А. И. Трейберга был полностью перестроен по проекту крупнейшего петербургского архитектора академика Леонтия Николаевича Бенуа, автора комплекса зданий Придворной певческой капеллы, Великокняжеской усыпальницы в Петропавловской крепости, зданий Клинического повивального института Д. О. Отта на Васильевском острове, зданий финансовых учреждений и жилых домов. В доме Трейберга Л. Н. Бенуа сохранил прежний план здания, выходящего фасадами на Невский проспект, Малую Морскую улицу и Кирпичный переулок. Увеличив высоту дома, архитектор оформил фасады декоративными деталями во «французском» стиле. Это сложного рисунка сандрики, каннелированные пилястры, лепка. Первые два этажа дома были облицованы розово-красным мрамором, из коричневого мрамора были выполнены дверные рамы. В высокие проемы окон-витрин вставлены зеркальные стекла. Помещения здесь предназначались для крупного магазина вееров и зонтиков «Александрь».

В 1899 г. в помещениях «Александра» было устроено особое мероприятие – большой благотворительный базар кукол в пользу общества при городских родильных приютах. В подготовке и проведении базара приняли участие известные деятели искусства. Входной билет, нарисованный Л. Бакстом, стоил 1 рубль.

В 1899 г. в этом доме жил литератор Василий Иванович Немирович-Данченко – старший брат основателя Московского художественного театра Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Василий Иванович окончил московский Александровский кадетский корпус, но стал не военным, а литератором. Первые его стихотворения появились на страницах жур-

нала «Модный магазин», издававшегося женой поэта Льва Мея Софьей Мей. В 1870 г. он за спекуляции с книгами по суду был сослан в Архангельск. Во время ссылки он объездил русский Север и затем в «Отечественных записках» печатались его очерки о поездках по России, а впоследствии и о путешествиях по Европе, Малой Азии, Африке. Василий Немирович-Данченко был военным корреспондентом в русской армии во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Русско-японской войны в 1904–1905 гг. В промежутке между этими событиями он жил в Петербурге, печатался в журналах «Русская мысль», «Нива», газете «Русские ведомости». В 1914 г. он снова отправится корреспондентом в армию. Он был популярным и необыкновенно плодовитым писателем, написал в течение жизни 250 книг, но творчество его долгие десятилетия в СССР оставалось закрытым для читателей, после того как в 1921 г. он уехал за границу. Последние годы жизни он провел в Болгарии.

Владимир Иванович Немирович-Данченко с женой Екатериной Николаевной также был жителем этого дома, но много позднее – в 1915 г. Они приехали из Москвы и, пробыв в Петербурге короткое время, уехали в Крым.

Среди живших здесь в то же время в домово́й книге записан князь Сергей Сергеевич Голицын, праправнук генерал-поручика Михаила Михайловича Голицына и Анны Александровны Строгановой. Именно от Строгановых перешло к Голицыным богатое подмосковное имение Кузьминки. Отец Сергея Сергеевича — Сергей Михайлович Голицын – совершил два необычных для его положения поступка: будучи полковником гвардии, ушел в отставку, занялся торговыми операциями в звании купца I гильдии, чтобы спасти от долгов и разорения семейное достояние, и женился на певице-цыганке Александре Осиповне Гладковой. Сыном от этого брака и был Сергей Сергеевич Голицын. Он приехал в Петербург с дочерьми Александрой и Марией. Возможно, этот приезд был связан с тем, что в Лозанне умер Сергей Михайлович и требовалось уладить семейные дела.

В том же 1915 г. из Москвы приехал в Петербург и снял квартиру в доме Трейберга князь Леван Александрович Туманов с женой Ядвигой Цесаревной и сыном Андреем Левановичем. Князья Тумановы были потомками князя Отара Туманишвили, который в числе 43 грузинских князей переселились в Россию в 1725 г. вместе с царем Вахтангом.

Еще одну интересную фамилию из жителей этого дома называет в своих воспоминаниях Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский, сын знаменитого путешественника, географа Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанского. Вениамин Петрович, географ и статистик, в 1908–1909 гг. был сотрудником географо-статистического отдела Министерства финансов, готовившего тогда полное географическое издание «Россия». Вместе с одним из чиновников министерства он составлял карты, отражающие грузооборот товаров в различных районах страны. Этот чиновник – Генрих-Виктор Генрихович Толпыго, надворный советник, столоничальник Министерства торговли и Промышленности – с женой Людмилой Ивановной в 1915 г. из Царского Села переехал в Петербург и поселился в доме Трейберга.

События 1917–1918 г. полностью изменили состав жителей Петербурга и этого дома, в частности. Новые жильцы поселились в комнатах больших коммунальных квартир.

Помещения в нижнем этаже по-прежнему занимали торговые заведения. Магазин «Александръ» в 1920-е гг. сменил универсам ПЕПО (Петроградского единого потребительского общества). Существует легенда, что Александр Грин, живший в ДИСКе (Доме искусств, Невский проспект, 15) увидел в окнах именно этого магазина кораблик с алыми парусами и написал свою повесть.

В 1930-х гг. в здании размещалось Ленинградское районное монтажно-торговое отделение Электротехнического треста.

В 1928–1940 гг. в доме со стороны Кирпичного переулка в квартире № 13 жил академик Николай Иванович Вавилов, ботаник, растениевод, генетик, имевший смелость выступить против лысенковской теории. В эти годы он возглавлял Институт опытной агрономии и Всесоюз-

ный институт прикладной ботаники, с 1930 г. – Институт растениеводства, носящий ныне его имя. С 1931 г. он был президентом Географического общества. Николай Иванович жил здесь со своей второй женой – биологом, доктором сельскохозяйственных наук Еленой Ивановной Барулиной и сыном Юрием. За эти годы Николай Иванович совершил ряд научных экспедиций в разные страны и, как вспоминает Юрий Николаевич, на большом глобусе, стоявшем в его кабинете, начертил маршруты своих путешествий по пяти континентам. В 1940 г. он отправился в поездку по территории недавно присоединенной к Советскому Союзу Западной Украины. Домой он уже не вернулся. Арестованный в Черновцах, Николай Иванович был доставлен в Москву, где после следствия и допросов с применением обычных для сталинских репрессий методов был приговорен к расстрелу, замененному 20 годами заключения. После ареста некоторое время его жена и 12-летний сын оставались в Ленинграде. Елена Ивановна к этому времени уже не работала в связи с болезнью, была инвалидом I группы. После осуждения Николая Ивановича она с сыном поехала в Москву хлопотать о судьбе мужа. Там их застала война, и Елене Ивановне с Юрием удалось уехать в ее родной город Саратов. Из Москвы Николай Иванович был перевезен в Саратовскую тюрьму, но родным об этом не сообщили, и в последующие месяцы, собрав из своих пайков по иждивенческим карточкам передачи, Елена Ивановна посылала их по-прежнему в Москву. 27 января 1943 г. Николай Иванович Вавилов умер. Благодаря помощи Сергея Ивановича Вавилова Елена Ивановна и Юрий получили разрешение вернуться в Ленинград, но квартира, в которой они жили, была занята другими людьми. Сергей Иванович помог семье своего брата получить жилье и перевезти туда часть мебели из прежней квартиры. В 1985 г. на доме укреплен мемориальная доска с именем Н. И. Вавилова, выполненная по проекту скульптора В. В. Исаева.

В 1944 г. в квартире Вавиловых № 13 переезжает балерина Кировского театра Наталья Михайловна Дудинская (1912–2003). По ее воспоминаниям, когда театр вернулся из эвакуации из Перми, Наталье Михайловне предложили несколько квартир на выбор, и в квартире на улице Гоголя ее пленили огромные окна с венецианскими без переплета окнами. Кроме того, квартира имела удобный отдельный вход со стороны улицы Гоголя. В квартире в тот момент еще находились вещи Николая Ивановича Вавилова – библиотека и архив, которые по требованию новой хозяйки были немедленно убраны.

Наталья Михайловна Дудинская была одной из легендарных советских балерин с непрекаемым авторитетом, «царицей» Кировского театра. Наталья Дудинская родилась в семье генерала Михаила Михайловича Дудинского в Харькове. Ее мать Наталья Александровна была балериной и танцевала под псевдонимом Тальори. Она же была и первым учителем своей дочери, которую непременно хотела отдать учиться в Ленинградское хореографическое училище. «Мама мечтала отдать меня в руки Вагановой – и меня приняли в 5-й класс, где дети по 15–16 лет, а мне только десять лет», – вспоминает Наталья Дудинская в одном из интервью в 2001 г. Дудинская заканчивает училище в 1931 г. и поступает в Ленинградский академический театр оперы и балета (позднее – Кировский, а сейчас – Мариинский театр оперы и балета), где танцует ведущие партии до 1962 г. С 1950-х гг. она начинает преподавательскую деятельность в классе усовершенствования артисток балета Кировского театра. После войны ее партнером в большинстве спектаклей был ее муж Константин Сергеев.

Квартира Дудинской долгие годы была открытым домом: здесь отмечали премьеры спектаклей, приходили ученицы, друзья по театру. Гостей Наталья Дудинская принимала в будуаре-гостиной, где стоял рояль. Спальня была в два раза больше гостиной и производила впечатление залы, украшенной огромным зеркалом и портретом хозяйки. Окна столовой выходили во двор. Дудинская гордилась антикварной мебелью – доставшимся в наследство от бабушки-смолянки гарнитуром. После смерти мужа в просторном коридоре квартиры Наталья Михайловна устроила выставку фотографий Константина Сергеева в разных ролях и с гордостью ее показывала, говоря о муже: «Это – мое солнце!».

Наталья Михайловна работала до последнего дня своей жизни. Она умерла в 2003 г. и была похоронена на Литераторских мостках вместе с мужем. После ее смерти все вещи – костюмы, архив, фотографии – были переданы в Театральный музей. Квартира же была продана, и в ней был устроен ресторан быстрого питания Subway, в котором рядом с сохранившейся печью висит небольшой портрет Н. М. Дудинской с сообщением, что она когда-то жила в этом доме.

В 1940 г. торговое помещение на Невском проспекте было заново оформлено по проекту архитектора Г. В. Ашкенази для магазина обуви. Ныне здесь торговый дом «Невский». В годы блокады в гастрономе на углу Невского проспекта и улицы Гоголя отоваривали карточки офицерскому составу, и у жителей этого района гастроном получил наименование «Генеральский».

С домом 11 по Невскому пр. с середины 1920-х гг. долгие годы была связана семья Красновых, члены которой в разные годы учились в Горном институте. Представитель старшего поколения – Александр Алексеевич Краснов, – закончив геологоразведочный факультет, уехал из Ленинграда. Его братья Арсений и Дмитрий Алексеевичи закончили отделение обогащения полезных ископаемых металлургического факультета. Дмитрий Алексеевич (1902–1983) никуда не уходил из института и читал лекции почти до самой смерти в 1983 г. Этот же факультет в 1950-х годах окончили выросшие здесь его сыновья – ныне покойный Май Дмитриевич (1933–1977) и живущий в Москве Гелий Дмитриевич (р. 1928), – профессор, академик Академии горных наук. Представитель следующего поколения – Сергей Гелиевич Краснов (1952–1996) – окончил геологоразведочный факультет и занимался морской геологией. Он был доктором наук, главным научным сотрудником института ВНИИОкеангеология и профессором университета. Был представлен к званию члена-корреспондента Академии наук, но получить его уже не успел – Сергей Краснов скончался в 1996 г. в возрасте 44 лет.

Один из авторов этой книги – Елена Иосифовна Краснова – тоже некоторое время жила в этом доме вместе с семьей мужа – Гелия Дмитриевича. Елена Иосифовна окончила университет и несколько лет читала студентам в Горном институте курс физики, но, выйдя в 1983 г. на пенсию, сменила специальность, занялась историей Петербурга и получила в 1998 г. Анциферовский диплом за книгу «Большая Морская» (совместно с Лариссой Ильиничной Бройтман) и в 2012 г. – Анциферовскую премию «за общий вклад в современное петербургское краеведение».

В 2003–2005 гг. была осуществлена реконструкция 4-го и 5-го этажей здания с полной заменой перекрытий, возведен 6-й этаж и произведена перепланировка этажей с устройством шести комфортабельных двухуровневых пентхаусов. Уникальной особенностью пентхаусов стал выход с 6-го этажа на просторные террасы, с которых открывается вид на перспективу Невского проспекта, Адмиралтейство, Исаакиевский собор.

В 2005 г. на здании появился мансардный этаж, который занимает Музыкальный фонд Санкт-Петербурга. Надо заметить, что это чуть ли не единственный случай когда недавно надстроенная мансарда не портит вид исторического уголка Петербурга.

Малая Морская, 4 Кирпичный переулоч, 1

В переписной книге 1717 г. написано, что следующий двор – «двор морского флота капитана Яна Фангофта (неразборчиво) по сказке жены его Анны оной двор куплен в 713 г. у железного мастера Уброера (?)».

В 1735 г. двор принадлежал портному мастеру Веберу (он указан как сосед в материалах следующего по улице дома).

Вебер обладал, по-видимому, значительными доходами, ибо построил себе не деревянное или мазанковое строение, а каменный дом. Из объяснений к плану Еропкина 1738 г. видно, что оставшиеся после пожара «погорелые палаты», обозначенные на плане пунктиром, остались за ним, но восстановить их он не смог, поэтому это «наугольное» место с «погорелыми палатами» в 1740 г. было отдано только что назначенному генерал-полицмейстеру Петербурга Федору Васильевичу Наумову. Участок был увеличен на 5 саженей. Наумов обязался построить каменный дом в 2 апартамента (этажа) длиной в 11 саженей по Луговой улице, а по переулочу – одноэтажное строение на 18 саженях, не оставляя проема для ворот. Строения возводились «на погребях» с условием: «Лавок не держать». Во дворе были конюшни со стойлами на 12 лошадей и сарай. В погребях, то есть в цокольном этаже, был ледник и 14 покоев, в 1-м этаже – 15, а в верхнем – 8 покоев. Главным на дворе Наумова был дом в 7 осей на углу Луговой улицы и Кирпичного переулоча. Его можно видеть на чертеже Стокгольмской коллекции. На низком цокольном этаже построен высокий первый этаж. Погребной этаж и боковые части 1-го этажа обработаны поперечным рустом. Верхний этаж и центр 1-го этажа оштукатурены вгладь, их украшают лопатки и наличники окон. Центр фасада венчает треугольный фронтон. Завершается здание высокой кровлей. Справа – ворота, с двумя калитками по сторонам. Строительство дома началось в 1741 г., а через два года здесь жил до отъезда из России иностранец Георг Людвиг Килбель. Сдавался дом и позднее, о чем в 1749 и 1750-х гг. появлялись объявления в «Санкт-Петербургских ведомостях».

Ф. В. Наумов умер в 1757 г., оставив все имущество в наследство своей единственной дочери от брака с Марией Михайловной Самариной – Анне Федоровне. Анна Федоровна вышла замуж за князя Андрея Михайловича Белосельского, которому принадлежала целая волость с четырьмя тысячами душ в 60 верстах от Москвы, проданная в казну. Перед продажей ее осмотрел писатель-мемуарист Андрей Тимофеевич Болотов, как будущий управляющий, сняв планы и составив крестьянскую перепись, замечательный ученый-агроном. За волость было выплачено 120 000 рублей в серебряной монете и по словам Болотова, всю эту сумму привезли к Анне Федоровне в фуре, запряженной шестью лошадьми.

Анна Федоровна не жила в отцовском доме, его снимало дворцовое ведомство, и здесь размещались камер-юнгферы императрицы Елизаветы и другие придворные служители, а также дежурившие при дворе офицеры. Этот дом упоминает в своих воспоминаниях будущая императрица Екатерина II, жившая в деревянном Зимнем дворце, который занимал, как она пишет, «весь квартал до места, находившегося против дома графини Матюшкиной, который принадлежал тогда Наумову. Мои окна были против этого дома, занятого фрейлинами». Существует предание, что здесь жил в 1759 г. и Григорий Орлов и из окон своих комнат в деревянном Зимнем дворце великая княгиня Екатерина Алексеевна обратила на него внимание. Как писал французский дипломат М. Д. Б. де Корберон, служивший в посольстве, после вступления на престол Петра III и Екатерины II всем придворным было приказано из этого дома выехать, а не подчинившимся велено было «не отпускать еду и питье».

2 сентября 1766 г. Анна Федоровна Белосельская продала дом «Ея Императорского Величества камер-юнкеру и лейб-гвардии Измайловского полку подпорутчику графу Володи-

миру Григорьевичу Орлову» за 14 тысяч рублей. В. Г. Орлов, младший из братьев Орловых, – первый директор Академии наук с 1766 г., свою придворную карьеру начавший с чина камер-юнкера, затем, в 1770 г. пожалован в камергеры и закончивший свою службу в чине генерал-поручика.

Перед своим путешествием по России Орлов в 1769 г., продал дом графине Анне Алексеевне Матюшкиной (1722–1804). Она была дочерью князя Алексея Матвеевича Гагарина и баронессы Анны Петровны Шафировой, дочери сподвижника Петра I вице-канцлера Петра Павловича Шафирова. После смерти от горячки своей старшей сестры она заняла ее место фрейлины при императрице Елизавете. Рассказывая в своих записках о событиях 1750–1751 гг. будущая императрица Екатерина II вспоминает о княжне Гагариной: «Она была уже не первой молодости и хотела сыскать себе партию по вкусу. Она сама имела хорошее состояние, но была нехороша собою, хотя очень умна и уклончива. Ей приходилось во второй раз отказываться от своего предмета в пользу императрицы: сначала от Шувалова, теперь от Бекетова». Сама Екатерина Алексеевна была в это время увлечена Захаром Чернышевым и обменивалась с ним любезными записками через Гагаринову, которая, как пишет Екатерина, «...наконец заметила, в чем дело, бранила меня, что я делаю ее посредницею и больше не согласилась переносить девизы». В 1754 г., считавшаяся уже сильно немолодой (ей было 32 года), Анна Алексеевна вышла замуж за молодого красавца Дмитрия Михайловича Матюшкина (1725–1800), который был моложе ее на 3 г. Сама императрица Елизавета уговорила мать Матюшкина дать согласие на этот брак. Благоволили к Анне Алексеевне впоследствии и Екатерина II и Павел, который в день своей коронации наградил ее орденом Св. Екатерины I-й степени и подарил ей для ношения в парадных случаях портреты – свой и своей супруги Марии Федоровны. Муж Анны Алексеевны Дмитрий Михайлович Матюшкин дослужился до тайного советника и камергера, в 1762 г. был возведен в графское достоинство императором Австрии Францем I. У четы Матюшкиных родилось двое детей – дочь Софья (1755–1796), фрейлина Екатерины II, и сын Николай (1756–1775), флигель-адъютант, росший в детстве вместе с будущим императором Павлом.

Софья Дмитриевна Матюшкина в 1788 г. была выдана императрицей за Юрия Михайловича Виельгорского. Он был польским посланником при Екатерине II, а потом, перейдя на русскую службу, – камергером и сенатором. Он также известен как один из учредителей Санкт-Петербургского филармонического общества. Софья была его первой женой и скончалась через три недели после очередных родов от лихорадки, оставив после себя семерых детей, заботы о воспитании которых взяла на себя бабушка Анна Алексеевна. Самые известные дети Софьи Виельгорской – известные знатоки музыки Михаил и Матвей Юрьевичи Виельгорские. В павловское время Виельгорские жили в этом доме. Анна Алексеевна Матюшкина пережила мужа и двоих детей и умерла в 1804 г. и была похоронена в Александро-Невской лавре. Дом перешел в собственность ее внуков – Михаила и Матвея Виельгорских. В 1812 г. исполнитель духовного завещания Матюшкиной и опекун над именем несовершеннолетних Виельгорских Гаврила Романович Державин продал дом рижскому банкиру Борису Клейну, а в 1822 г. им уже владел дворянин Иван Гаврилович Михайлов.

По объявлениям в газете «Санкт-Петербургские ведомости» можно проследить, что располагалось в доме Матюшкиной. Так 29 марта 1784 г. рекламировались «наилучшие десертные и столовые вина, аглицкое пиво, портер, италийские ликеры и разных сортов вейновые водки» в новозаведенном ренсковом погребе в доме графини Матюшкиной. А 1 апреля 1791 г. в тех же «Ведомостях» сообщалось, что здесь можно купить краску индиго, способ составления которой открыли в Санкт-Петербурге англичане Грессен и Парланд, не только не уступающую привозимой из Англии, но даже ее превосходящую.

С 1790-х гг. здесь был трактир «Город Гродня», или «Гродно», в 1809 году в нем остановился прибывший в Петербург виртембергский королевский министр граф Шенк де Кафель.

В 1826 г. по представлению уездного суда каменный дом умершего нарвского купца и дворянина Ивана Гаврилова Михайлова был отдан надворному советнику Калержи «на удовлетворение закладной в 210 000 руб.». Дом был оценен архитектором в 180 000, ценовщиками – в 150 000 руб. (видимо, ассигнациями). При этом был указан ежегодный доход от дома в 25 070 рублей. В 1779 г. Эммануил Коллержи «из греческих дворян» поступил в лейб-гвардии Преображенский полк, а через 20 лет перешёл на службу в Почтовое управление. В 1813 году у него еще до брака с Шарлоттой Федоровной Юргенсон родился сын Иван, узаконенный позже. После смерти Эммануила Ивановича Коллержи в 1829 г. дом перешел к сыну Ивану. Иван Эммануилович Калержи служил в Азиатском департаменте Министерства Иностранных дел. При нем в 1826 г. дом перестраивался по проекту, подписанному архитектором Себастьяном Черфолио.

В 1820–1830-х гг. некто г-н Луи де Вельсенер содержал здесь трактир и гостиницу «Париж». Как сообщалось в «Санкт-Петербургских ведомостях» 31 января 1828 г., «...г- да путе шественники могут найти тут большие и малые хорошо омеблированные весьма чистые покои, с сараями, конюшнями и прочим и со столом за самую умеренную цену. Тут же можно и обедать по 5 рублей с особы, с вином, кофе и прочим». Приезжавшие в Петербург родители А. С. Пушкина – Сергей Львович и Надежда Осиповна – не раз останавливались в этой гостинице, пока искали постоянную квартиру. Здесь обыкновенно жил Сергей Александрович Соболевский, соученик младшего брата А. С. Пушкина Льва Сергеевича по Благородному пансиону. Его, любителя и собирателя книг, сближали с поэтом многие интересы и, как друг Пушкина, он выполнял его поручения, поддерживал связи с издателями как доверенное лицо. Именно ему Пушкин подарил свой портрет работы В. А. Тропинина. Обыгрывая название гостиницы в 1834 г. Пушкин адресовал письмо Соболевскому: «В Париж (что в Петербурге на Малой Морской)». Пушкин бывал в этой гостинице. 10 декабря 1827 г. здесь, в ресторане Луи, Пушкин дал обед в честь польского поэта Адама Мицкевича, приехавшего из Москвы, где они познакомились. В 1836 г. в этой гостинице жил Павел Григорьевич Демидов, отставной гвардии ротмистр, брат Александра Григорьевича Демидова, владельца усадьбы на углу Демидова переулка и набережной реки Мойки, а в 1843-м – писатель и государственный деятель Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, тайный советник, сенатор.

Как во многих домах, здесь сдавались квартиры. В 1837 г. здесь жил Александр Петрович Завадовский, сослуживец Пушкина и Грибоедова по Коллегии иностранных дел, ранее участник знаменитой «четверной» дуэли из-за балерины Истоминой.

Останавливался в этом доме Николай Степанович Алексеев, чиновник для особых поручений при генерале Инзове. Пушкин познакомился с ним во время южной ссылки, в Кишиневе они были членами масонской ложи «Овидий». Встречались они и позднее. У Алексеева хранился рукописный сборник пушкинских произведений.

В 1837 г. здесь жил генерал-лейтенант Константин Маркович Полторацкий – владелец села Грузино Тверской губернии. Родственный клан – Полторацкие-Оленины – были широко известны в Петербурге. Они владели домами в столице, но Константин Маркович почему-то предпочел остановиться не у родных. Тогда же жили в этом доме статский советник, камергер князь Сергей Данилович Кудашев, генерал-лейтенант начальник 7-й пехотной дивизии Павел Яковлевич Куприянов и действительный статский советник в отставке Александр Бек, учитель музыки Иоганн Луфт. А в магазине Камелю можно было купить табак и другие вещи.

В 1842 г. коллежский советник Иван Эммануилович Калержи продал дом портному мастеру Самуилу Андрееву Брунсту за 104 285 рублей серебром. Возможно, он потратил некоторое количество времени и денег на ремонт или перестройку и в 1844 г. поместил в газете объявление, что «военный портной Самуель Брунст имеет честь объявить почтеннейшей знающей его публике, что он ныне имеет жительство в собственном доме на углу Малой Морской и Кирпичного переулка под № 108-2-3, где прежде был гостиница “Париж”». Такой странный

на первый взгляд номер означает, что по прежней поквартальной нумерации дом имел № 108, а после введения в 1834 г. нумерации по улицам получил № 2 по Кирпичному переулку и № 3 по Малой Морской улице. После того как в 1858 г. поменяли местами четную и нечетную стороны улиц, получились современные № 1 по Кирпичному и № 4 по Малой Морской.

По адресной книге 1854 г. в доме на углу Малой Морской и Кирпичного переулка находилась «Английская» аптека Шиллера, в квартире № 12 жил находившийся при аптеке титулярный советник Карл Андреевич Лорх, в 1870-х годах хозяином аптеки стал Эйзелер. По-прежнему в доме можно было купить табак у нового владельца табачной лавки – Ивана Трофимовича Гусева. В 1892 году в доме рекламируется «обширный специализированный магазин-депо и фотографических принадлежностей «Ф. Иохима и К^о».

После смерти Самуила Андреевича владельцем дома стал его сын – чиновник Государственного Банка Адольф Иванович Брунст, от которого дом перешел к его жене Анне Федоровне (Анне-Фридерике), а в 1895 г., по-видимому, к их дочери Анне Адольфовне Винтергальтер. По обследованию 1899 г. это был каменный 4-этажный дом на подвале с 5-этажными жилыми флигелями и 2-этажными каменными службами во дворе. Весь нижний и часть второго этажа занимали торговые помещения. В подвале были ледники, молочный склад. Обследование производилось в связи с желанием владелицы заложить дом. К этому времени она набрала в долг значительную сумму у родственников и, не имея возможности расплатиться с ними, просила у страхового общества ссуду в 352 500 рублей. Вероятно, большая сумма требовалась и для производившейся надстройки пятого этажа над лицевым домом. Справиться с долгами Анна Винтергальтер не смогла, и по купчей 11 февраля 1903 г. дом перешел к светлейшему князю Ивану Николаевичу Салтыкову.

Иван Николаевич был правнуком князя Николая Ивановича Салтыкова, военного и государственного деятеля царствования Екатерины II и Павла. Начав службу рядовым в Семёновском полку, Николай Салтыков прошел большой путь – участвовал в Семилетней и Русско-турецкой войне, командовал русскими войсками в Польше, занимал посты президента Военной коллегии, председателя Государственного совета и Комитета министров в 1812 г. Император Александр I в 1814 г. возвел его в князья Российской империи с титулом «светлейший». По наследству этот титул перешел к Ивану Николаевичу. Он родился в 1870 г., по семейной традиции образование получил в Пажеском корпусе, службу начал в 20 лет в Кавалергардском полку корнетом. Регулярно повышаясь в чинах, в 1913 г. уже в чине генерал-майора Салтыков был зачислен в свиту императора. Он занимает пост предводителя дворянства Санкт-Петербургской губернии, а с 1912 г. состоит членом Государственного совета. Иван Николаевич унаследовал известный особняк Салтыковых на Дворцовой набережной, пожалованный его прадеду. Но он был совладельцем фамильного особняка вместе с родными, может быть, поэтому ему захотелось иметь собственный дом. Неизвестно, собирался ли он сам жить в доме на Малой Морской улице, но квартиры здесь сдавались. В 1904 г. жил в доме № 4 Луи Александрович Маршаль, доверенный Русского торгово-промышленного банка, член ревизионного комитета общества французских граждан, проживающих в Петербурге. Никаких переделок за это время не производилось, только небольшой ремонт, связанный с тем, что 16 марта 1907 г. в доме произошел пожар. Повреждения были небольшие, судя по тому, что страховое общество «Саламандра» оплатило убытки в 150 рублей, а в следующем году еще 200 рублей. В эти годы Иван Николаевич занят работами в имении Чернево под Псковом, которое он унаследовал после смерти отца, Николая Ивановича в 1901 г. После событий 1917 г. Салтыков эмигрировал во Францию и умер в Ницце в 1941 г.

Еще в 1912 г. князь И. Н. Салтыков продал свой дом крестьянину Калязинского уезда Ивану Сергеевичу Соколову, имевшему промысловое свидетельство I разряда для торговли. В том же году в доме произошел пожар, но более сильный, чем ранее, так как Соколов получил от страхового общества 1 500 рублей на покрытие убытков. Через пять лет Иван Сергеевич будет

уже потомственным почетным гражданином, владельцем дома на 3-й линии Васильевского острова (№ 24), домов № 7 и № 13 на улице Гоголя и известного ресторана.

В 1913 г. дом был надстроен по проекту Н. Н. Веревкина, архитектора страхового общества «Саламандра», строившего здания в Харькове и Омске. По ведомости о доходах, в следующем году дом был заполнен различными заведениями.

В подвале размещались магазины – чайный, суровских материй, сапожный и ренсковый погреб. В первом этаже наряду с седельной и шорной торговлей находился автомобильный магазин. Во втором этаже 8 комнат занимала редакция журнала «Аргус». Помещение в третьем этаже снимало Правление Северного стекольно-промышленного общества, в доме жил также сотрудник общества горный инженер Иосиф Григорьевич Нудельман. В четвертом госпожа Прокофьева содержала меблированные комнаты. А пятый этаж снимала городская управа как казарму для городских. Жил здесь и подполковник Василий Юльевич Экгард, пристав 1-й Адмиралтейской части.

Нужно сказать, что среди жителей дома было немало представителей технической интеллигенции. В квартире № 6 жил инженер-электрик, кандидат математических наук Эрнест Федорович Виганд с женой Верой Яковлевной. Он был совладельцем технической конторы «Э. Виганд, Игер и К^о». В 1915 г. из Ростова приехал окончивший с дипломом I-й степени Марк Яковлевич Фельдман, занявший должность доверенного Русского общества вывозной торговли.

Последней владелицей дома 25 марта 1917 г. записана вдова Ивана Соколова Татьяна Петровна, проживающая на противоположной стороне улицы в квартире 16 дома № 7.

Среди тех, кто жил здесь в это время, была семья Будзько, приехавшая в Петербург из Виленской губернии в 1915 г. В домовых книгах записана шестидесятитрехлетняя Виктория Ивановна Будзько, жена одного из ее сыновей Михалина с тремя малолетними дочерьми и две дочери Виктории Ивановны – Эмилия и Констанция, 28 и 26 лет. Оба ее сына, Флориан и Иосиф, находились на военной службе. В 1918 г. Флориан Михайлович, солдат 3-го инженерного полка получил отпуск на 3 месяца по болезни, о дальнейшей его судьбе сведений нет. А вот его брат Иосиф, в 1917 г. солдат почтовой полевой конторы № 51 действующей армии, возвратившись с военной службы, прожил в этом доме еще двадцать лет и стал одной из жертв сталинских репрессий. В 1937 г. Иосиф Михайлович Будзько, кассир дирекции Ленинградского радио, поляк, беспартийный, был арестован и по обвинению в действиях, направленных на нанесение вреда советской власти расстрелян 24 ноября 1937 г.

Осенью 1941 г. этот дом, один из первых в городе, был разрушен фугасной бомбой. В 1942 г. поврежденный дом был замаскирован декоративными щитами. В октябре 1945 г. начались восстановительные работы по проекту ленинградских архитекторов И. И. Фомина и Б. Р. Рубаненко. Было решено сохранить срезанный угол дома как напоминание о разрушенной части здания. Работал на восстановлении этого дома потомственный каменщик Андрей Александрович Куликов, построивший до войны немало зданий в Ленинграде. Владея мастерством, при умелой организации работы Куликов 17 октября выполнил за смену 12 дневных норм. Его опыт скоростной кладки стал примером для других строителей. А. А. Куликову в 1946 г. была присуждена Сталинская премия, а современники, помнившие и события блокады, и восстановительные работы в городе, дом № 4 называли домом Куликова. Этот дом со срезанным углом, украшенным лепными колосьями, вошел в историю города как первенец послевоенного строительства в Ленинграде.

Дом № 4 по Малой Морской улице связан еще с одной знаковой для Ленинграда-Петербурга фигурой. Этот дом, так же как и Театр комедии на Невском, можно назвать акимовским в память о режиссере и художнике Николае Павловиче Акимове (1901–1968). Он родился в Харькове в семье железнодорожного служащего, в 1910 г. семья Акимовых переезжает сначала в Царское Село, а затем в Петербург. С 1914 г. Николай Акимов учился в вечерних рисо-

вальных классах Общества поощрения художеств, а затем, в 1916-1918 гг. занимался в Новой художественной мастерской под руководством М. В. Добужинского, А. Е. Яковлева и В. И. Шухаева. В 1919–1923 гг. жил в Харькове, где и начинает работать в качестве театрального художника. В 1923 г. Николай Акимов возвращается в Петроград и поступает во ВХУТЕМАС – Высшие художественно-технические мастерские – и одновременно работает как театральный художник в петроградских театрах: «Кривое зеркало», Музыкальной комедии, театре-кабаре «Карусель» и т.д. В 1924–1925 гг. оформляет спектакли в Большом драматическом театре. Много работает как книжный иллюстратор и художник-плакатист. В 1927 г. в Петрограде проходит его первая персональная выставка. В конце 1930-х гг. Акимов начинает работать и как театральный режиссер. В 1932 г. он ставит в Москве в театре им. Вахтангова «Гамлета» У. Шекспира с музыкой Д. Д. Шостаковича. Акимов выступал и как главный художник спектакля. Спектакль не был постановкой традиционной шекспировской трагедией, Акимов превратил ее в памфлет, наполненный острой сатирой и неожиданными музыкальными решениями. Здесь был и джаз, и пародии на современные злободневные куплеты, которые, казалось бы никак уж не вяжутся с классической трагедией. Гамлет выходил в сцене сумасшествия с кастрюлей на голове и с морковкой в руках. Спектакль вызвал очень неоднозначную реакцию и продержался недолго, но спустя много лет этот спектакль называют «политическим детективом» и считают одним из ярких событий театральной Москвы 1930-х гг.

В 1935 г. Акимова приглашают стать художественным руководителем Ленинградского театра комедии, который оказался на грани закрытия. Николай Павлович Акимов был во главе этого театра почти 30 лет до дня своей кончины в 1968 г. Лишь в годы нового витка репрессий в 1949 г. Акимов вынужден был покинуть пост главного режиссера и вернуться в Театр комедии, который он создал, лишь в 1956 г. В 1951–1956 гг. он будет возглавлять еще один ленинградский театр – Новый (с 1953-го – Театр им. Ленсовета).

Именно благодаря Акимову как блестящему и остроумному режиссеру и как талантливому художнику Театр комедии «загрел» на весь Ленинград и весь Советский Союз.

В 1954 г. Николай Павлович начинает преподавать в Ленинградском театральном институте и становится основателем художественно-постановочного отделения института.

Н. П. Акимов был замечательным и оригинальным художником, писавшим в совершенно неповторимой манере. Он автор многочисленных портретов современников, невероятно выразительных театральных плакатов и книжных иллюстраций. Н. П. Акимов был признанным художником, начиная с 1927 г. у него было 11 персональных выставок.

Женой Николая Павловича Акимова была Елена Владимировна Юнгер (1910–1999). Она была замечательной талантливой актрисой, знатоком французского языка и переводчицей и автором интереснейших воспоминаний. Елена Владимировна родилась в семье Владимира Александровича Юнгера, поэта-акмеиста (1883–1918) и Зои Владимировны Дроздовой.

В 1927 г. Елена Юнгер поступает в Школу русской драмы на улице Зодчего Росси, затем уезжает учиться в Москву в студию Ю. А. Завадского.

В 1933 г. уже в Ленинграде в Экспериментальной театральной мастерской Елена Владимировна познакомилась с Николаем Павловичем Акимовым и на всю жизнь связала с ним свою судьбу. В 1936 г. она стала актрисой Театра комедии, который возглавил Акимов.

Елена Владимировна была в большей степени театральной актрисой и сыграла более полусотни ролей на сцене театра Комедии, в 1940 г. была первой исполнительницей роли Принцессы в сказке Евгения Шварца «Тень». В кино она снималась немного, и чаще всего вспоминают ее острохарактерный образ Анны, сестры Золушки, в фильме 1947 г. Надежды Кошеверовой и Михаила Шапиро «Золушка».

Прекрасное знание иностранных языков позволило Елене Юнгер сделать художественный перевод нескольких пьес П. Устинова, Э. Олби, Ю. О'Нила, а также читатели знакомилась с воспоминаниями Эдит Пиаф «Моя жизнь» именно в ее блестящем переводе.

Елена Владимировна оставила две книги мемуаров: «Друзей прекрасные черты. Достоверные рассказы» вышедшая в 1985 г. и «Все это было... Воспоминания актрисы», 1990 г. Елена Юнгер скончалась в 1999 г. и похоронена на Литераторских мостках Волкова кладбища в Петербурге.

От брака с Николаем Павловичем Акимовым у Елены Юнгер в 1934 г. родилась дочь Анна.

Семья Акимовых большую часть своей жизни прожила в Ленинграде, в годы Великой Отечественной войны Елена Владимировна и Николай Павлович вместе с театром уехали в эвакуацию, а вернувшись в конце 1945 г. в Ленинград, фактически остались без жилья и некоторое время жили в гостинице «Астория», а потом получили квартиру и комнаты для мастерской Акимова в только что перестроенном доме 4 по улице Гоголя.

В квартиру № 23 на третьем этаже под с окнами, частично выходящими на Кирпичный переулок, въехали большой семьей. Кроме самого Николая Павловича, Елены Владимировны и их дочери Анюты, в состав семьи входила сестра Николая Павловича Наталья Павловна, или, как ее звали по-домашнему, Наточка, мать Елены Владимировны Зоя Владимировна Юнгер, или бабуся, и ее отчим Петр Николаевич Спесивцев (1871–1948) – дедуся. Петр Николаевич до революции был членом правления двух крупных банков. По преданию, в 1918-м он выбросил в Неву семейное золото, чтобы оно не досталось большевикам. Был страстным коллекционером старинной мебели, которая оказалась позднее в семье его падчерицы Зои Юнгер. После Гражданской войны рисовал на улицах, так как его никуда не брали на работу – из-за «происхождения».

Все эти домашние прозвища и подробности жизни в доме на улице Гоголя мы можем встретить и в воспоминаниях Елены Владимировны, и в интервью, которое дали авторам этой книги дочь Николая Павловича Анна и ее муж Алексей Игоревич Смысловский 19 января 2014 г.

Всему обширному семейству пришлось разместиться в 4 комнатах. Анюта первое время жила с дедусей, в столовой жила бабуся, небольшая комната была отведена Наточке, а большая с альковом, с окнами на Невский – Николаю Павловичу и Елене Владимировне. Окна кухни выходили в темный и неприглядный двор с помойкой. В квартиру вела крутая темная лестница, в центре которой находились шкафы для дров – печное отопление будет заменено на паровое только в 1960-х гг.

Кроме того, у Николая Павловича Акимова в этом же доме была и мастерская, которая состояла из 2 комнат и находилась на 4-м этаже прямо над основной квартирой. Эта мастерская была частью квартиры актрисы Театра комедии Ирины Петровны Зарубиной (1907–1976). Она жила в оставшихся двух комнатах со своей дочерью Татьяной.

Народная артистка РСФСР Ирина Петровна Зарубина родилась в 1907 г. в Казани, в 1929 г. закончила Ленинградский техникум сценических искусств и в этом же году стала актрисой Ленинградского театра пролеткульта. В 1935 г. ее приглашает в свой Новый театр Николай Павлович Акимов. Здесь она сыграла множество ролей и прославилась как характерная актриса. В кино Зарубина работала не так много, но и здесь она создала запоминающиеся образы: Евпраксеюшка в «Иудушке Головлеве» 1934 г., Ефросинья в фильме «Петр Первый» 1938 г., Василиса Егоровна в «Капитанской дочке» 1959 г. и т. д. За роль Ефросиньи И. П. Зарубина была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Но ленинградцы ее больше помнят именно как выдающуюся театральную актрису и как милого и замечательного человека. Круглолицая, пышная, задорная она была одной из любимых актрис Акимова и одной из любимых моделей. Ее небольшая полнота становилась предметом шуточных эпитаграмм:

О, как легка
И как тонка...

Её игра! – воскликнем хором. —
Но до чего ж она
Полна...
И обаянья, и задора!

(Дмитрий Толмачев)

Скончалась Ирина Петровна в 1976 г. и похоронена на кладбище в Комарово.

Семейство Акимовых и Зарубиных общалось самым теснейшим образом. Таня Зарубина часто бывала в гостях у Акимовых, Николай Павлович рисовал ее портреты и портреты ее мамы. Татьяна Александровна Зарубина (1940–1995), позднее – журналист, филолог, оставила теплые воспоминания и о Николае Павловиче и о Елене Владимировне Юнгер. Елена Владимировна была Королевой, Дариллой – такое прозвище у маленькой Тани она получила за обычай дарить маленькие подарки. Николай Павлович для самой Тани «прежде всего... был Соседом, в течение двадцати лет мывшим кисточки и полоскавшим стаканы на нашей кухне. («Опять раковину спортил», – ворчала наша Домомучительница Софья Львовна, хотя, в отличие от нее, он был предельно аккуратен.) Соседом, в комнате которого было интересно.

Интересно корчить рожи перед разными зеркалами: выпуклыми, вогнутыми, висело даже черное зеркало; интересно слушать часы с разными голосами, особенно те, которые играли какую-то нехитрую и очаровательную мелодию; интересно сидеть верхом на черной собаке-стуле».

Все стены комнат в квартире Акимова были завешены его работами.

Хотя квартира Николая Павловича находилась в самом центре города, он ею был не очень доволен. Почти все окна выходили на узкий и темноватый Кирпичный переулок, из окна мастерской Акимов часто видел малоумного подростка из соседнего дома, который корчил ему рожи. И Акимов мечтал о мастерской, из окон которой был бы вид на Неву. Лишь в конце жизни мечта Акимова сбылась – ему удалось получить квартиру в новом доме на Петровской набережной, доме 4. Все в этой квартире было сделано по его замыслу: расставлена мебель, привезенная со старой квартиры, создан кабинет. Но пожить в этой новой квартире ему не удалось – Николай Павлович скоропостижно скончался 6 сентября 1968 г. в Москве, когда находился там с гастролями театра, похоронен был в Ленинграде на Литераторских мостках Волковского кладбища – на центральной площадке театральных деятелей.

В доме на Петровской набережной память о нем хранила сначала жена Елена Владимировна Юнгер, а затем после ее ухода, дочь Анна Николаевна, зять Алексей Игоревич, внучка Мария Алексеевна Юнгер и ее пятеро детей, продолжателей рода Акимовых–Юнгеров.

В 1957–1969 гг. в этом доме в квартире 22 жила Маргарита Михайловна Лихницкая (1912–1998) – известный театральный художник. Она родилась в Смоленске. С 1930 по 1934 г. училась в Московском изотехникуме памяти 1905 г. С 1939 по 1941 гг. училась в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры в мастерской А. А. Осмеркина. С 1942 по 1944 гг. работала художником на заводе во Владимире, затем училась в Московском художественном институте им. В. И. Сурикова. В 1948 г. закончила Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры по мастерской М. П. Бобышова. С 1952 г. – член Союза художников СССР. С 1950 г. Лихницкой оформлен ряд спектаклей в Ленинградском государственном академическом большом драматическом театре им. М. Горького, Ленинградском государственном академическом малом театре оперы и балета, Ленинградском государственном академическом театре драмы им. А. С. Пушкина, Ереванском государственном академическом театре им. Г. Сундукяна, Ленинградском государственном театре им. Ленинского комсомола (с 1955 по 1958 гг. работала в штате художником-постановщиком), Государственном русском драматическом театре Эстонской ССР и других. В 1956 г. получила благодарность Министерства культуры РСФСР и Управления по делам искусств «За создание высокохудожественного спектакля».

ственных спектаклей по произведениям Ф. М. Достоевского». С 1948 г. – участник театральных разделов, а с 1969 г. и разделов графики и живописи ленинградских зональных, республиканских и всесоюзных художественных выставок. Всего – более 50 выставок. С 1967 по 1969 гг. состоялись персональные выставки путевых этюдов и зарисовок. Произведения Лихницкой являются собственностью Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Ленинградского государственного театрального музея, Дирекции выставок Художественного фонда РСФСР и Министерства культуры РСФСР, Министерства культуры СССР.

В 1968–1986 г. в этом доме в квартире 46 жил выдающийся ученый-востоковед, академик Андрей Николаевич Кононов, советский учёный-филолог, лингвист-тюрколог, председатель Советского комитета тюркологов, доктор филологических наук, академик Академии наук СССР. В 1991 г. на доме была установлена памятная доска.

В связи с проектом создания станции метро «Адмиралтейская» было принято решение сделать выход на Кирпичный переулок. Это потребовало расселения жителей, сноса дома и последующего его восстановления. Дом Куликова фактически уничтожен и отстроен заново. Даже при повторении очертаний прежнего здания это совершенно иное сооружение.

Новая станция «Адмиралтейская» была открыта 28 декабря 2011 г.

В здании станции метро открылся торговый центр «Адмирал», здесь на 6-м этаже размещается музей-макет «Петровская акватория», официальное открытие которого состоялось 4 сентября 2014 г.

Первая историческая модель Петербурга в 1/240 натуральной величины размером 23 x 39 м была создана в 1820-е гг. Размещалась она недалеко, в современном доме 4/1 на Малой Морской улице. «Невозможно описать, с каким совершенством исполнены все мельчайшие подробности архитектурной части», писала о ней «Северная пчела». Фрагменты домов изготавливались из толстого картона, крыши из свинца, Нева и каналы, сделанные из жести, заполнялись водой. Современный макет площадью 500 кв. м выполнен в масштабе 1:87. Экспозиция музея представляет собой реконструкцию наиболее значимых достопримечательностей Петербурга и пригородов, связанных с историей создания города и российского флота со времен Петра I до Екатерины Великой, воссозданных по гравюрам и архивным источникам. Более 20 тонн настоящей воды символизируют акваторию Невы и Финского залива. Именно поэтому музей-макет и назван «Петровская акватория» как дань создателю города Петру I, видевшему Петербург морской столицей государства Российского. Здесь можно увидеть, какими были Петербург и главные императорские резиденции три столетия назад и что было на месте известных сегодня зданий и архитектурных ансамблей. На макете более 1 000 зданий, 305 метров дорог, 1 000 транспортных средств, в том числе движущихся карет, 20 тонн воды, более 100 кораблей, 25 000 персонажей, 20 000 светодиодов.

Малая Морская, 6

В переписи 1717 г. написано, что здесь находится двор иноземца Данилы Фрома, а «по скаске торгового иноземца Семена Петрова сына Снетлера тот двор куплен ли, или сам построил того не написано».

В мае 1735 г. Богдан Семенов сын Шнетлер (явно сын предыдущего владельца) продал «Святейшего Правительственного Синода Президенту великому господину преосвященному архиепископу великоновгородскому и великолуцкому Феофану каменной свой двор о двух апартаментах, с каменным и деревянным строением, садом и огородом, который стоит в наличной линии против Адмиралтейства от подворья монастырского через один дом». Здесь речь идет о доме на углу Невского проспекта и Малой Морской. Поперечнику двор имел 16 сажень, длиннику с разных сторон 29 и 23 сажени. На эту покупку архиепископу было пожаловано 5 тысяч рублей из казенного приказа. Новый владелец – известный крупный церковный и государственный деятель Феофан Прокопович, один из главных помощников Петра Великого в делах духовного управления, был поборником распространения «не токмо Священного Писания», но и светского учения. Опровергавший теорию о первенстве духовной власти над светской, он участвовал в ликвидации патриаршества и учреждении Синода. После смерти Петра Великого был сторонником Екатерины I. При возведении на трон Анны Иоанновны был на стороне противников «верховников».

Слева от этого двора, как уже было написано, двор портного Вебера (современный дом 4), а по другую сторону через проезжий переулок – двор «ЕИВ камерцалмейстера Александра Иванова сына Кайсарова» (современный дом 8).

Дом Феофана пострадал во время пожара в августе 1736 г., а вскоре он умер. После его смерти по резолюции Кабинета Ее Величества назначено в доме жить причту Исаакиевского собора, который в 1738 г. получил этот дом в окончательную собственность. Затем в доме жил священник Исаакиевской церкви Антип.

Постройка, возведенная здесь, выглядела очень просто. Это был двухэтажный дом в 9 осей. Высокий нижний этаж был гладко оштукатурен, окна не имели наличников, справа была входная дверь с тремя ступеньками. Во втором этаже выделялись рустованные углы, четыре пилястры между окнами и обрамляющие окна наличники с филенками внизу.

В середине XVIII в. это было уже «казенное» место. Место это представляет особый интерес – здесь для создания модели памятника Петру I была устроена мастерская Фальконе. На аксонометрическом плане 1765–1773 гг. показано длинное здание, по-видимому, перестроенное из старого дома.

В 1766 г. в Петербург для создания памятника Петру I приехал скульптор Этьен Фальконе, поселившийся в доме рядом (сейчас дом № 8), и казенный дом был отдан ему под мастерскую. Якоб Штелин в «Записках об изящных искусствах в России» писал, что во дворе построили наклонный помост, на который, как на гору, взлетал берейтор и поднимал коня на дыбы, чтобы Фальконе мог его зарисовать. Удивительно, что на упомянутом аксонометрическом плане во дворе дома 6 можно разглядеть этот помост. Здесь Фальконе создал первую небольшую модель памятника. В 1767 г. Фальконе переехал на новое место жительства, на место разобранного деревянного дворца, но первая мастерская пока тоже осталась в его распоряжении.

В 1773 г. по именному указу место было отдано «любезного сына цесаревича Павла Петровича камердинеру Дмитрию Смайлову с тем условием, что данную на участок он получит, когда оное место будет свободно от производимых на нем казенных работ для монумента Петру Великому». Очевидно, место от старых строений освобождалось постепенно, и на этом пока еще казенном месте, находящемся в ведомстве конторы строения домов и садов, расположен-

ном между домами гр. Матюшкина, купца Мишеля и Измайлова (первые два – соседи по улице, а участок Измайлова сзади), Смайллов в 1775 г. выстроил половину каменного дома о 3 этажах, а в 1780-м достроил и вторую половину и попросил данную. После того, как «архитектор Фелтен и надворный советник Крок рапортом представили, что уже во оном месте по тем производимым работам по монументу казенной надобности ненастоит», данную теперь уже придворный камер-фурьер Дмитрий Дементьев Смайллов, наконец получил в 1784 г.

После смерти Дмитрия Смайллова дом принадлежал его жене Прасковье, которая жила с сыном Павлом и дочерьми Варварой и Матреной. Нуждаясь в деньгах, Прасковья в 1788 г. закладывает дом, в 1795 г. продает ценные вещи – бриллиантовые серьги, перстни, золотые часы, табакерку, кольца – вероятно подарки ее мужу за службу при цесаревиче. Дом оставался во владении ее сына Павла Дмитриевича Смайллова до 1824 г. В доме Смайллова в 1809 г. содержал «Книжную библиотеку для чтения» человек с необычной фамилией Данила Бамбам. Жила здесь привилегированная повивальная бабка Авдотья Дидрих.

В Адресной книге 1809 г. указан живущим в этом доме «сочинитель» – композитор Осип Антонович Козловский (1757– 1831). Родился он в дворянской семье в поместье Козловичи Могилевской губернии, учился в Варшаве. В костеле Св. Яна он был сначала певчим, учился игре на скрипке, играл на органе. Козловский был знаком с семьей Огинских, учил музыку Михаила Огинского, бывал в его резиденции, когда он стал великим гетманом литовским. Огинский – польский политический деятель, меценат, музыкант, автор широко известного полонеза.

В 1786 г. Козловский вступил в русскую армию, участвовал в русско-турецкой войне, получил офицерский чин, стал адъютантом Потемкина. В 1790-е гг. Козловский пишет «Российские песни», принесшие ему первое признание. По заказу графа Шереметева Козловский создал оперу «Взятие Измаила». Он оставляет военную службу и целиком посвящает себя музыке. Ему поручают музыкальное оформление официальных торжеств. С 1799 г. Козловский – инспектор, а с 1803 г. «директор придворной музыки». Его творчество разнообразно, он пишет музыку к драмам В. А. Озерова, к комедиям А. А. Шаховского, мессы для католической службы. Он сочинил два реквиема, посвященные последнему польскому королю Станиславу Понятовскому и Александру I. Но наибольшую известность принесли Козловскому полонезы. Самый знаменитый из них на слова Г. Р. Державина «Гром победы раздавайся» в первый раз был исполнен 28 апреля 1791 г. в Таврическом дворце и до 1816 г. был гимном Российской империи. Умер Осип Антонович Козловский в 1831 г. в Петербурге и был похоронен на Выборгской стороне на католическом кладбище, уничтоженном в 1930-е гг.

В 1824 г. у титулярного советника Павла Дмитриевича Смайллова дом купил золотых дел мастер – «бриллианщик» Иоганн-Мартин 54 лет, в купчей крепости он назван Иосифом, но чаще писали Иван Арндт. Он родился в городе Касселе в 1770 г., в документах записан ганноверским подданным. Жил он с женой Елизаветой и дочерью Эмилией-Франциской. В этом же доме жили их служанки – Анна Иванова, девица-мещанка, Анна Микшегорова, жена государственного крестьянина и кухарка Доротея Озолинь. О ней в домовоей книге написано: «жена рабочего из Риги» и при этом добавлено: «незамужняя (?)».

Помещение в своем доме новый владелец предоставляет для проведения аукционов. Так, в январе 1826 г. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали о продаже музыкальных инструментов, французских шалей, подзорных трубок, мебели и других вещей по сходным ценам. Во дворе Арндт строит каменные каретные сараи. Но основной доход от дома приносила сдача квартир.

По домовым книгам 1847–1848 гг. в 20 квартирах проживало около 160 жильцов. Некоторые останавливались проездом на короткое время, так как часть жильцов держала квартирантов. Так, в квартире № 6 у Иоганны-Юлии Вурмзер, прусской подданной из Кенигсберга, снимали комнаты Иоганн Гербер из Швейцарии, Луи Шарль Гаспар, приехавший из Парижа,

рижская гражданка Амалия-Екатерина Креман, придворный служитель Евгений Ильберт. Такие же комнаты «от жильцов», как тогда называли, были в квартире № 17, у владельца которой была своеобразная фамилия уроженец Курляндии Крест Георгий Фридрих жил с женой Амалией и детьми Егором и Минной. Как написано в домовоей книге, «у Креста» жили приехавший из Ревеля (Таллина) Христиан Ризенкамф, приказчик (в следующем году он переедет в квартиру № 20), рижанка Линде Анна Эмма Вильгельмина, Михайло Алексеевич Цепенников, выборгский первостатейный купец. Жили здесь же и служанки: Прасковья Никитина, крестьянка графа Шувалова и вольноотпущенная Ульяна Цыганкова. Из Франции приехал в Россию портной мастер Жан Флоран, в Петербурге родился его сын Жюль Этьен. В 1870-х гг. магазин белья Флорана будет находиться в доме на углу Гороховой и Большой Мещанской улиц. Здесь же Флоран жил в квартире № 1, у него остановился приехавший в 1842 году француз Жан Луи Шарден, капиталист, неизвестно только. Какие у него были капиталы и чем он занимался. В декабре 1847 года в этой же квартире поселился профессор музыки Павел Шевалье с женой Викторией и сыном Павлом. Жила в этом доме и представительница самой распространенной в те времена узаконенной женской профессии – повивальная бабка Елизавета Моргенфро, вдова мельничного мастера, с дочерью Елизаветой. У всех, кого мы упоминали, были работницы-служанки. Но наибольшее число таких работниц – 10 крепостных, дворовых девушек и женщин – записаны в домовоей книге в квартире № 12 у француза-дворецкого Луи Девиля. Он жил с женой Клементиной, сыновьями Людовиком и Альфонсом и дочерью Элизой. Возможно, он содержал какое-нибудь заведение, для этого нужно было много служанок. В 1848 г. записана живущей в этой квартире Софья Николаевна Безак, вдова действительного статского советника Константина Павловича Безака, обер-прокурора 4-го департамента Сената, умершего в 1845 г. Софья Николаевна – это дочь известного журналиста Николая Ивановича Греча. Самый высокий пост из живших в те годы в этом доме занимал граф Иосиф-Август Илинский, действительный тайный советник, сенатор, камергер, состоявший при Министре юстиции. Он занимал квартиру № 3, и вместе с ним жили помощники столоначальника – губернский секретарь Мариан Пашковский и Станислав Боровский – и, разумеется, слуги.

Домовые книги дают ясное представление о составе петербургского населения в XIX в. Большинство ремесленников и многие чиновники – приезжие из Германии, Франции, Прибалтики. Среди слуг большинство крепостных, отпущенных их господами на заработки. Еще только формируются русские купеческие династии, образование фамилий которых иногда трудно объяснить. Так, в квартире № 7 в 1848 г. жил купец с не особенно благозвучной фамилией Негодяев Петр Иванович.

В январе 1848 г. Арндт умер, и дом перешел по наследству к его дочери Эмилии Ивановне, которая стала женой почетного гражданина Петра Гамбса.

В конце XVIII века Генрих Даниэль Гамбс основал знаменитую впоследствии мебельную фабрику. Мебель Гамбса получила широкую известность в России. В 1830-х гг. А. С. Пушкин приобрел в долг мебель фирмы Гамбса. Долг его оплатила дворянская опека, а некоторые предметы этой мебели находятся ныне в Музее-квартире Пушкина на набережной Мойки, 12. Упоминают мебель Гамбса в своих произведениях И. С. Тургенев, И. А. Гончаров. Необычайную популярность Гамбсу принесли роман И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» и кинофильм, снятый по этому роману. Дело Генриха Гамбса продолжили сыновья Петр, Александр, Густав и Эрнст. В 1830-х гг. мебельный магазин Гамбса находился в угловом доме 23 по Большой Морской и 12 по Гороховой улицы. Во второй половине XIX в. фирма Гамбса размещалась на Итальянской улице (ныне дом 17). Старший из сыновей Генриха Гамбса, Петр Андреевич Гамбс после смерти жены Эмилии Ивановны унаследовал совместно с их детьми дом на Малой Морской улице. В 1853–1854 гг. дом П. Гамбса перестроил крупнейший петербургский архитектор, академик, профессор Академии художеств Гаральд Андреевич Боссе, участвовавший в

сооружении усадебных комплексов под Петербургом, в перестройке и отделке более 40 зданий в самом городе. Женой Боссе была одна из дочерей Петра Гамбса – Александра Шарлотта.

В 1860-х гг. дом был уже 4-этажным, в 15 окон по фасаду. В центре 1-го этажа были ворота, над ними балкон, по сторонам ворот – парадные. Отделка фасада была достаточно скромна, ее несколько разнообразило оформление окон сандриками разного рисунка по этажам. Во дворе находились жилые флигеля в 4 и 5 этажей.

Сам домовладелец Петр Андреевич Гамбс занимал квартиру в 11 комнат с людской, к тому же 2 сарая, 2 конюшни, подвал для дров, ледник и чердак. По сведениям, опубликованным в сенатских объявлениях, в 1872 г. после смерти Петра Андреевича, дом унаследовали его дети: Генрих Петрович, Эрнст Петрович, Александра Шарлотта, жена Г. А. Боссе, Эмилия Елизавета Фолей, жена помещика, и Евгения София Кубе, жена дворянина. По отдельному акту владельцами стали Генрих и Эрнст Гамбс, сестрам они выплатили их доли деньгами.

Значительная часть квартир сдавалась в наем. В 1869 г. в доме жили уроженец Ревеля (Таллина) настройщик Иоганн Андресен, переплетных и футлярных дел мастер Симон Кяки, француженка Мария Ивроз содержала модный магазин, вместе с ней жили ее дочь Елена и сестра Жанна, модистка. Квартиру из 9 комнат снимал известный петербургский нотариус Павел Петрович Лыжин, потомственный почетный гражданин, на сестре которого Екатерине Петровне женился знаменитый археолог-любитель Генрих Шлиман, живший в 1840-х гг. в доме № 10 по Почтамтской улице. У Лыжина и его жены Екатерины Христиановны было трое сыновей – Петр, Борис, Николай – и две дочери – София и Екатерина. Все они числятся и в списках жильцов дома в 1880 г.

Две квартиры, в общем 16 комнат, занимал генерал-адъютант Александр Иванович Мусин-Пушкин, один из внуков первооткрывателя «Слова о полку Игореве» Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. Сын Алексея Ивановича Иван Алексеевич, гофмейстер императорского двора, был женат на Марии Александровне Урусовой, которой А. С. Пушкин в 1827 г. после рождения ее второго сына – Александра – посвятил стихотворение «Кто знает край, где небо блещет...». Александр Мусин-Пушкин служил в конной гвардии и в то время, когда жил на Малой Морской улице, был командиром лейб-гвардии Кавалергардского полка. Он был женат на Ольге Александровне Пашковой, у них были две дочери – Елизавета и Софья. С 1890 г. до конца жизни Александр Иванович командовал войсками Одесского военного округа. Умер он в 1903 г.

После поездки за границу в 1876 г. снял квартиру в этом доме богатый петербургский купец Яков-Роберт-Георг Молво с женой Елизаветой Карловной, детьми – Николаем, Александром, Георгием, Еленой и Анной. Первым представителем этой семьи в России был Герман-Никлас Молво, родившийся в Любеке в 1730 г. Его сын Яков Николаевич построил в районе Екатерингофа два завода – водочный и сахарный. Он стал крупнейшим сахарозаводчиком, выпускаемый его заводом сахар высшего сорта даже называли по фамилии владельца «молво». Это нашло отражение в повести Лескова «Левша», где атаман Платов, сопровождавший императора Александра I в поездке по Европе, требует, чтобы англичане показали царю своих заводов «сахар молво». Когда петербургская товарная биржа начала действовать в новом здании на Стрелке Васильевского острова, первым председателем биржевого комитета стал Яков Николаевич Молво. Его сестра Елизавета вышла замуж за придворного банкира Александра фон Ралля. Живший в этом доме внук Якова Николаевича, получивший первое из своих трех имен, очевидно, в честь своего деда, был уже почетным потомственным гражданином.

В домовой книге 1880 г., записан также Антон Бреме, швейцарский подданный, ювелирный подмастерье и хорист французской труппы вместе с женой Натальей и дочерью Луизой. Наталья Бреме была содержательницей меблированных комнат. В той же книге упомянут приехавший из-за границы актер русской драматической труппы, Александр Блюменталь. Это Александр Эдуардович Блюменталь-Тамарин, недавно дебютировавший на сцене Алек-

сандринского театра и ставший известным артистом и режиссером. Он был уже женат на молоденькой учительнице, дочери бывшего крепостного Марии Климовой. Вскоре она вместе с мужем начнет выходить на сцену, будет работать сначала в провинции, затем в московском театре Корша, а последние годы жизни Мария Михайловна Блюменталь-Тамарина была артисткой Малого театра.

Среди жильцов дома в 1880 г. указан священник Адмиралтейского собора Михаил Васильевич Кутневич с сыновьями Василием и Николаем. Старший сын – Василий – учился в Институте инженеров путей сообщения.

В доме проживало немало людей, разными путями зарабатывавшими на жизнь, таких как: гувернантки Луиза Краснер из Германии и София-Анна Катани из Финляндии, сиделец в меняльной лавке Александр Крылов, писарь Николай Козмополо, греческий подданный, мастерицы (наверное, швеи) Наталья Клаусова и Агафья Иващенкова, Василий Орешников, пекарь, мастер по булочному цеху с сыном Александром. Записан в книге и человек важной в прошлом в жизни каждого жилого дома профессии – старший дворник Александр Корнеев с женой Афросиньей и шестилетним сыном Павлом.

Всеми этими подробными сведениями мы обязаны человеку, который заведовал домашними книгами, аккуратно вел учет жителей дома. Это был Николай Павлович Колесов, вологодский мещанин 60 лет. Жил он в этом же доме с женой Сусанной Петровной, сыном Петром, студентом Санкт-Петербургского университета, и дочерью Варварой.

В 1883 г. владельцем дома стал Эрнест Петрович Гамбс. Он жил здесь с женой Каролиной Александровной и детьми. В 1912 г. их старший сын Генрих – атташе Министерства иностранных дел Эдуард был капитаном Измайловского полка, Эрнест, третий по старшинству, служил в Лондоне в русском консульстве и только младший – Александр – жил с родителями. Часть помещений в доме занимало Бельгийское консульство в Петербурге, которое возглавлял консул Иван Шарлье. Кроме того, в этом же доме жил консул Конго М. М. Игнациус, и здесь располагалось консульство этой страны. Шестикомнатную квартиру снимал оружейный мастер Жан Лардере. Размещались в доме Правление Общества меднопрокатных заводов и Правление Русских трубопрокатных заводов. Сдавались и помещения во дворе. Фирме «Братя Тонет» принадлежал склад мебели, а купец II гильдии Эдуард Севиер снимал сараи (в прошлом каретные) под автомобили. В 1915 г. Эрнест Петрович умер и дом унаследовал Александр Эрнестович, в 1916 г. он намеревался продать дом, но этому помешали исторические события.

После революции полностью изменился состав жильцов дома и здесь также не обошлось без жертв репрессий.

Проживавший в квартире № 16 Евсеев Александр Дмитриевич, 1896 г. рождения, начальник паровозной службы Кировской железной дороги, арестован 11 октября 1937 г., осужден по обвинению в террористической деятельности. Расстрелян 24 ноября.

Киселев Евсей Моисеевич, 1907 г. рождения, инженер-химик, жил в квартире № 2, арестован 2 октября 1937 г., за антисоветскую деятельность расстрелян 25 октября.

В настоящее время во многих домах существует нечто вроде «меблированных» комнат, сдающихся в наем. Рекламируется сдача подобных квартир и в доме № 6 по Малой Морской улице.

Малая Морская, 8

Четырехэтажный дом с фронтоном, ныне № 8, приобрел современный облик в середине XIX века.

Судя по переписи 1717 г. здесь был «двор столпника Михаила Григорьева сына Собакина, а по скаске человека ево Афанасья Андреева сына Татарина она двор куплен в 717 г. у морского флота подпоручика Ивана Григорьева сына Шенгина, у жены ево Мариты Германовой».

Из купчей 1735 г. на дом слева следует, что соседом справа от рассматриваемого участка в этом году был «ЕИВ камерцалмейстер Александр Иванов сын Каисаров», а позади оно – двор парусного мастера иноземца Петра Яковлевича Лобрия.

Судя по плану Еропкина, в 1738 г. участок дома № 8 принадлежал генерал-майору Ивану Альбрехту, который построил здесь каменный дом. Интересно, что позади современного дома № 8 по Малой Морской находится д. № 19 по Большой Морской, которым в разное время тоже владели и Петр Лобрий, и Яган Альбрехт.

Рисунок из Стокгольмской коллекции свидетельствует, что дом Альбрехта был, пожалуй, самый великолепный на Луговой (Малой Морской) улице. Прежде всего он был шире соседних домов – в 11 окон по фасаду, и был выше их. Шире остальных, вероятно, за счет бывшего раньше слева от него проезжего переулка. На рустованном цокольном этаже расположены два высоких жилых этажа, завершенные характерной для петербургской архитектуры 1730-х гг. высокой крышей с окнами-люкарнами и печными трубами. Центр дома в три окна выделен пилястрами, нарядными наличниками окон и увенчан сложной формы фронтоном. Справа – ворота во двор, где, как показывает план Сент-Илера 1765–1773 гг., два отходящие от главного здания флигеля с небольшими воротами между ними оформляли небольшой дворик перед входом в дом.

Первый владелец дома – Иоганн-Людвиг фон Албрехт, – как писали тогда, поступил на русскую службу в 1698 г. по рекомендации одного из сподвижников Петра I Якова Вилимовича Брюса. Служил Албрехт в Преображенском полку, в 1820 г. имел чин капитана. Он был одним из шаферов на свадьбе старшей дочери Петра Анны Петровны и герцога Голштинского и потом включен в их придворный штат, но в Германию с ними не поехал. В царствование Анны Иоанновны он состоял членом Комиссии о построении полковых слобод для гвардейских полков в Петербурге. В 1739 г. указом императрицы Анны Иоанновны был произведен в генерал-майоры. Женился Иоганн-Людвиг Албрехт на племяннице Я. В. Брюса, дочери Романа Вилимовича – Наталье Романовне – и имел сына, имя которого пишут по-разному – Людвиг, Рудольф, Людорф-Адольф, внука же звали Иван Львович. Все потомки Иоганна-Людвига служили на военной службе, и его правнуки Александр Иванович и Карл Иванович были участниками войны 1812 г. Портрет Александра Ивановича Албрехта находится в Военной галерее Зимнего дворца. В 1741 г. в сражении со шведами при Вильманстранде особый отряд, которым командовал Иоганн Албрехт содействовал победе русских войск, за что Албрехт был награжден орденом Св. Александра Невского. В этом бою он потерял ногу, в следующем году его постигла опала. На престол вступила Елизавета Петровна, все приближенные Анны Иоанновны подверглись гонениям. Императрица велела отобрать у Албрехта орден и отправила его в ссылку в его поместье Котлы, где он вскоре умер.

Следующей владелицей дома стала жена И.-Л. Албрехта Наталья Романовна. После ее смерти в 1761 г. дом достался ее племяннику Я. А. Брюсу, а Брюс продал его в 1762 г. Вилиму Вилимовичу Фермору. После смерти Фермора владелицей стала его жена Дарья Романовна, урожденная Брюс. А от нее в 1771 г. по наследству дом достался ее сыну гвардии Преображенского полка капитан-поручику Вилиму Вилимовичу Фермору-младшему. Фактически дом

переходил из руки в руки близких родственников Альбрехтов, Брюсов и Ферморов. Кроме того, семейства Альбрехтов и Ферморов связывала и военная служба. Граф В. В. Фермор-старший и И. И. Альбрехт вместе служил, в один день они были награждены орденом Св. Александра Невского. В продолжение своей службы Фермор не раз менял поле деятельности. В 1740-х гг. ему было поручено произвести перепись и межевание в Ингерманландии, затем велено занять место умершего А. Л. Нарышкина в Канцелярии от строений, которая ведала возведением крупных казенных сооружений. Так, под наблюдением Фермора велось строительство на территории бывшего Смольного двора Воскресенского Новодевичьего монастыря по проекту архитектора Растрелли. Во время начавшейся в 1756 г. Семилетней войны генерал В. В. Фермор был главнокомандующим русскими войсками. В 1758 г. прусские войска у селения Цорндорф атаковали русскую армию, но не смогли ее разбить. Дальше действия русских войск развивались не столь успешно, и в 1759 г. непопулярного в армии «немца» Фермора сменил на посту главнокомандующего Петр Семенович Салтыков. Под командованием Салтыкова русские войска одержали победу над пруссаками при Кунерсдорфе, за что Салтыков получил звание фельдмаршала. Но было известно, что наследник трона – племянник императрицы Елизаветы будущий император Петр III – был поклонником прусского короля Фридриха II и не желал поражения Пруссии в войне, поэтому 1 августа 1760 г. Салтыков по болезни оставил войска, сдав команду снова В. В. Фермору, которого вскоре сменил А. В. Бутурлин.

В 1757 году здесь жил находившийся при российском дворе для отправления дел короля Франции Шевалье Дуглас. В 1761–1762 г. «Санкт-Петербургские ведомости» объявляли о продаже в доме бывшего генерал-майора Альбрехта «виноградных вин, рейнвейну красного и белого французского да заморского пивного уксусу» и других товаров.

В 1766 г. в Петербург приехал Этьен Фальконе, которого его друг Дидро рекомендовал Екатерине II для постройки памятника Петру I. Он поселился у французского купца Ивана Мишеля, интересовавшегося искусством, который в то время арендовал дом жены Фермора. Тогдашний искусствовед Я. Штелин пишет, что Фальконе поселился «на Адмиралтейском луку» (противоположная сторона улицы только начинала застраиваться) в доме Альбрехта, называя имя умершего предыдущего владельца. Сам Фальконе писал, что он жил в доме Мишеля. Мишель в это время арендовал дом, а купил его только в 1770-е гг. Так и возникают исторические ошибки.

Вместе с Фальконе приехала его 18-летняя ученица Мари-Анн-Колло, о которой у нас почти ничего не известно. Она была девушкой из простой бедной семьи и работала натурщицей. Фальконе сразу увидел, что она талантлива? и стал ее учить, а Дидро писал, что любит ее как дочь. В первые же полтора–два года пребывания в Петербурге девушка-скульптор сделала прекрасные бюсты императрицы Екатерины, вел. кн. Павла Петровича, кн. Григория Орлова и других приближенных императрицы, своего учителя Фальконе, Дидро, Вольтера, Даламбера. Кроме того, она сделала много медальонов, в том числе с изображением Петра Великого и Елизаветы Петровны. Она была блестящая портретистка, и от Петербургской академии художеств получила звание академика и стала первой женщиной с таким званием. Единственное, что о ней знают все, что именно она сделала модель головы Петра I для Медного всадника. Потом она вышла замуж за сына Фальконе, но скоро с ним разошлась. Вместе с Этьеном Фальконе она вернулась во Францию, а когда его разбил паралич, ухаживала за ним восемь лет до его смерти.

Мы уже писали, что мастерская у Фальконе была в соседнем доме (сейчас дом б), где он сделал первую (малую) модель. У Фальконе был совсем не простой характер, а квартирохозяин Мишель почему-то считал себя крупным специалистом в искусстве и пытался вмешиваться в работу, что вызывало ссоры. Вскоре появилась возможность переехать на новое место. Для Фальконе и Колло переделали под жилье и мастерскую оставшиеся от деревянного Зимнего дворца Тронный зал и каменную кухню, которые располагались в квартале между Карпичным переулком и Невским проспектом, ближе к Большой Морской.

В 1771 г. владельцем дома № 8 стал Вилим Вилимович Фермор-младший, который в 1773-м и продал его Мишелю, ранее арендовавшему дом.

В 1784 г. сестры И. Мишеля Елизавета Ден и Гертруда Алберт продали каменный дом нарвскому купцу Ивану Лидеру (или Лидерсу), но у него в том же году купил этот дом действительный статский советник Иван Артамонович Фурсов, владевший домом до конца XVIII столетия. После смерти Фурсова дом купил с аукционного торга надворный советник Емельян Федорович Чоблоков, получивший в 1801 году на него данную.

В таблице 1804 г. а владельцем дома числится еще Чоблоков, а в 1809-м – его наследники.

Во французском путеводителе по Петербургу 1809 г. указан живущим в доме Чоблокова Адам Адамович Чарторижский (1770–1860), сын Адама-Казимира Чарторижского и Изабеллы Флеминг, игравших немаловажную роль в борьбе за независимость Польши. Адам Чарторижский также принимал участие в военных действиях против русских войск. Эти действия окончились неудачей, имения Чарторижских были конфискованы, и после второго раздела Польши Адам Чарторижский с братом Константином по требованию императрицы Екатерины II приехали в Петербург, где жили фактически в качестве заложников. По приезду братья Чарторижские поселились на Малой Морской улице в доме Маничарова № 22, о котором речь впереди. В Петербурге Адаму оказал покровительство князь Николай Васильевич Репнин. Его дружеские отношения с Изабеллой Флемминг послужили основой слухов, что он является отцом Адама. Чарторижский был принят в придворный штат, зачислен адъютантом великого князя Александра Павловича. С этого времени началась их дружба. Вступивший на престол Павел удалил Чарторижского из Петербурга, назначив его посланником ко двору сардинского короля. Но сразу же после смерти Павла Александр I вернул своего друга и назначил членом негласного комитета для обсуждения реформ в России, а затем помощником государственного канцлера А. Р. Воронцова. Получив после этого управление Министерством иностранных дел, Чарторижский ставит своей целью создать совместно с Англией и Австрией коалицию против Наполеона, с тем чтобы при решении судеб государств Европы найти путь к восстановлению Польского королевства, рассчитывая на поддержку Александра I. Военные события помешали его замыслам. В 1807 г. покинул пост министра иностранных дел, в 1809 г. жил в доме Чоблокова. Уехав в 1810 г. из России, Чарторижский жил некоторое время в Австрии, но восстание в Польше в 1830 г. побудило его приехать в Варшаву, где он занял должность президента Сената и национального правительства. После подавления восстания Чарторижский эмигрировал во Францию.

Следующий владелец дома – Андрей Андреевич Жерве (1773–1832) не раз упоминался в письмах петербургского почт-директора Константина Яковлевича Булгакова. 21 марта 1821 г. он пишет брату: «Сперанского ждут сегодня. Он будет жить в Морской в доме Жерве», и 23 марта: «Сперанский приехал третьего дня. Поеду к нему...». Крупный государственный деятель Михаил Михайлович Сперанский в марте 1812 г. неожиданно для всех был отправлен в ссылку и вернулся только через девять лет. Хотя он и был назначен членом Государственного совета, но прежнего положения уже не достиг.

А. А. Жерве служил в Министерстве иностранных дел, был близок со Сперанским и высланным одновременно с ним Магницким, но сам уцелел, ему только было приказано сдать должность. После этого он служил в Министерстве финансов.

Во время наводнения 1824 г. Булгаков пишет, что бывший вице-губернатор Дивов ехал в карете по Морской, как вдруг хлынула вода. Он совсем было утонул, но его втащили в окошко в дом Жерве.

И еще письмо 1826 г.: «Закревский третьего дня приехал. Он не у Лазарева в доме, а у Жерве в Малой Морской живет. Ты, я чаю, знаешь этот дом, в нем некогда жил князь Чарторижский».

Арсений Андреевич Закревский (1786–1865) – участник войны 1812 г., генерал-лейтенант, губернатор Финляндии, с 1828 г. – министр внутренних дел, позднее – московский генерал-губернатор. В 35 лет он женился на 18-летней Аграфене Федоровне Толстой (1800–1879). Красивая, избалованная, любительница французских романов и балов, «беззаконная комета в кругу рассчисленных светил», как назвал ее Пушкин. «Строгие московские дамы уклонялись от ее общества» и обсуждали ее многочисленные романы. Увлеченный ею Евгений Баратынский посвящал ей свои стихи. В 1828 г. с Закревской в Петербурге будут постоянно встречаться Пушкин и Вяземский.

Сын А. А. Жерве Николай Андреевич с 1831 г. служил в Кавалергардском полку, входил в круг гвардейских офицеров, чье удальство было известно в петербургском свете и не раз вызывало недовольство царя Николая I. Среди его друзей был князь Сергей Трубецкой, который впоследствии за похищение Лавинии Жадимировской, жены почетного гражданина, был заключен в Петропавловскую крепость и разжалован в рядовые. В 1834–35 гг. у Трубецкого Н. А. Жерве познакомился с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, с которым встретится потом на Кавказе, куда Николай Жерве «за шалость» был в 1835 г. переведен поручиком в Нижегородский драгунский полк. В этот же полк был переведен в 1837 г. из Петербурга и Лермонтов за стихи на смерть Пушкина. Николай Жерве, заслужив производство в штабс-капитаны, в 1838 году вышел в отставку и вернулся в Петербург, а вскоре получил разрешение возвратиться с Кавказа и Лермонтов. В 1839–1840 гг. они часто встречались у общих друзей. Бывал Лермонтов и в доме на Малой Морской у Андрея Андреевича Жерве и его жены Софьи Карловны, где жили Николай, его братья – Андрей и Александр – и сестры – Софья и Елизавета.

Помимо просто дружеских отношений и воспоминаний о Кавказе, Н. Жерве и Лермонтова связывала принадлежность к «кружку 16», названному так по числу его членов. Этот кружок, как писал впоследствии о нем один из его участников граф Ксаверий Александрович Браницкий, «состоял частью из окончивших университет, частью из кавказских офицеров. Каждую ночь, возвращаясь из театра или бала, они собирались то у одного, то у другого. Там после скромного ужина, куря свои сигары, они рассказывали друг другу о событиях дня, болтали обо всем и все обсуждали с полнейшею непринужденностью и свободой, как будто бы Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии вовсе и не существовало, – до того они были уверены в скромности всех членов общества...». Неясно, что было известно правительственным кругам о «кружке 16», но в 1840 г. 10 его участников снова оказались на Кавказе. Лермонтов был отправлен на Кавказ после дуэли с де Барантом и там в 1841 г. погиб на дуэли, а Николай Жерве был ранен в бою и после двухмесячных мучений умер от тяжелой раны.

В 1820–1830 гг., когда дом принадлежал А. А. Жерве, во дворе дома по проекту архитектора И. Шарлеманя перестраивались каменный 2-этажный флигель и службы. Сам дом был еще в 3 этажа, четвертый этаж был надстроен в 1850 г. по проекту крупного зодчего К. А. Тона. Дом был в 19 окон по фасаду, с воротами в центре и парадными по сторонам. Завершали фасад по сторонам два полукруглых фронтона.

Часть квартир в доме сдавалась, и, судя по Книге адресов К. Нистрема, в 1837 г. здесь жили Джемс Кун, учитель английского языка Фулиан, учитель музыки, портной Каушман, надворный советник Карл Андреевич Жерве.

До середины XIX века в доме не упоминались торговые помещения, но у нового хозяина, владевшего домом с 1860-х гг. появляется большой магазин русских деревянных изделий. В газете «Голос» 18 марта 1870 г. сообщается, что «вновь получены в огромном выборе чисто в русском вкусе: зеркальные рамы, столы, диваны, стулья, табуреты, вазы и прочее».

В алфавитном указателе жителей Санкт-Петербурга 1867–1868 гг. указан живущим в этом доме в квартире № 1 отставной полковник Александр Татищев. В рассказе о доме № 19 мы еще вспомним о семье Татищевых. Старший из трех братьев – Александр Александрович

вич – после службы в л.-гв. Гусарском полку вышел в отставку и перешел на службу административную, был тульским и пензенским губернатором, а также предводителем дворянства Крестецкого уезда Новгородской губернии. Он способствовал открытию в губерниях учительской семинарии, нескольких профессиональных училищ для мальчиков и женской рукодельной школы. Как и его брат Дмитрий, он занимался живописью, был дружен с И. Е. Репиным и К. А. Савицким. При открытии в Пензе картинной галереи подарил несколько картин. Дом № 8 в Петербурге принадлежал его жене Лидии Арсеньевне, урожденной Жеребцовой. К Жеребцовым, игравшим важную роль в возведении на престол Екатерины II, эта семья отношения не имела, но ее члены интересны своими связями с известными фамилиями. Глава семейства – ротмистр Арсений Александрович Жеребцов – был женат на Прасковье Николаевне Толстой. Одна из их дочерей – Екатерина Арсеньевна – стала второй женой Никиты Всеволодовича Всеволожского. Мужем другой дочери – Алевтины Арсеньевны – был Петр Александрович Языков, инженер-путеец, занимавший в 1840-е гг. должность инспектора классов Института путей сообщения, а затем – в генеральском звании – директора Департамента железных дорог. Николай Арсеньевич Жеребцов, состоявший членом Императорского вольного экономического общества, затем вице-директор 3-го департамента государственных имуществ, был в конце своей карьеры виленским генерал-губернатором.

Владелица дома Лидия Арсеньевна окончила Смольный институт, и, хотя ее муж не занимал особо высоких должностей, по воспоминаниям известного журналиста и писателя Владимира Гиляровского, она вела себя как очень важная дама, показывая своим поведением, что «в делах управления губернией была выше губернаторши, да чуть ли и не самого губернатора». Однако, управлять собственным домом оказалось не так просто. В 1867 г. была составлена опись дома городским кредитным обществом для залога дома: «Каменный 4-этажный дом на нежилом подвале, крытый железом. Дом оштукатурен и украшен поясками и карнизом с зубцами, а также тремя фронтонами с карнизами и лепными украшениями; окна обтянуты наличниками и у третьего этажа украшены сандриками. На фасаде 6 балконов и 2 зонтика на кронштейнах». В доме более 20 квартир, сдающихся в наем. Среди съемщиков лица разных сословий и состояния: Александр Алексеевич Ребиндер, генерал-майор свиты Его Императорского Величества, Фробергер – золотых дел мастер, Клаче – музыкант при театрах. Кондитер Беран первоначально занимает три комнаты, в 1879 г. он уже записан купцом II гильдии и владельцем кондитерского магазина, который в 1902 г. будет занимать 12 комнат в первом этаже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.